

Сундук мертвеца

Автор:

Макс Фрай

Сундук мертвеца

Макс Фрай

Сновидения Ехо #5

В этом сундуке предостаточно мертвецов, но все же их гораздо меньше, чем могло бы быть. Освободившееся место заняли безумные ветры, заморские шаманы, страшные куманские ножи-медорубы и даже математические формулы, не к ночи будь помянуты.

А что вместо бутылки рома у нас там бутылка осского аша – ну так всегда приходится делать поправку на культурный контекст.

Макс Фрай

Сундук мертвеца

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

– Почему ты до сих пор не откусил мне голову? – спросил я.

– Потому что мне за это пока не заплатили, – привычно огрызнулся сэр Джуффин Халли. – Ты мало кому по карману, сэр Макс, смирись.

Но от груды самопишущих табличек он все-таки оторвался. И посмотрел на меня – не то чтобы с интересом, но с тенью надежды на возможность его возникновения.

И то хлеб. Последние несколько дней шеф Тайного Сыска занимался подготовкой каких-то очередных изменений в судебной системе. Понятия не имею, что он при этом чувствовал, но со стороны это выглядело как острый приступ черной меланхолии, отягченный изысканным маниакальным бредом, по большей части, бюрократического характера.

– Но если тебе очень надо, так и быть, – наконец сказал Джуффин. – Давай сюда свою голову, только быстро. Что ты натворил?

– Целую кучу глупостей, – похвастался я.

– Когда успел-то? – изумился шеф. – Полдень только миновал.

– Ну так я не прямо сегодня их натворил. Просто постепенно собралась неплохая коллекция.

Джуффин сразу поскучнел.

– Значит, уже неактуально, – сказал он. – Конец Мира по твоей милости не наступил, вот и ладно. Кусай свою дурацкую голову сам, не отвлекай занятого человека.

Пришлось срочно выкладывать на стол свой последний козырь.

– У меня с собой кувшин отличной камры. Насильственно изъятой из резиденции Ордена Семилистника, при почти драматических обстоятельствах.

И поставил вещественное доказательство своего преступления на стол.

– Вот с этого и надо было начинать, – одобрительно сказал шеф. – У сэра Шурфа отличный повар. Рассказывают, что при Нуфлине бедняге приходилось готовить вовсе без продуктов, наскоро превращая в условно съедобное палую листву и дорожную пыль.

– Дорожную пыль?!

– На самом деле это, конечно, просто гнусные сплетни завистников, – ухмыльнулся Джуффин, наливая камру в свою кружку. – Уверен, что повару не возбранялось использовать для кулинарных целей хорошую жирную садовую землю. Накопал с утра пару ведер, и вперед.

– Ужасы какие ты рассказываешь.

– О скаредности покойного Нуфлина ходили легенды. По большей части, завиральные. Я хочу сказать, они приукрашивали действительность. Бывает, знаешь ли, такая действительность, которую невозможно очернить, как ни старайся. Впрочем, Нуфлина можно понять. Ему надо было накопить на Харумбу[1 - Харумба – город мертвых в Уандуке. Был основан несколько тысячелетий назад коренными обитателями этого материка – кейифайями. Сами кейифайи живут так долго, что считаются практически бессмертными, но их потомки от смешанных браков смертны. Именно для них была изначально создана Харумба – город, за стенами которого прошедший через специальные ритуалы мертвец может продолжать вести привычное существование. При этом его личность остается неизменной, а телесные ощущения и эмоции похожи на прижизненные. Свободный вход в Харумбу открыт только прямым потомкам хранителей Харумбы – небольшого закрытого сообщества очень старых кейифайев. У остальных людей тоже есть шанс попасть в город мертвых, но он невелик. Два основных условия – личные достоинства и огромные деньги. Высокая плата за вход справедлива: поскольку хранители Харумбы дарят своим подопечным бессмертие, но не могут предоставить им свободу передвижения, они берут на себя обязательства содержать их с максимальным комфортом в течение бесконечно долгого промежутка времени.]; старик не был дураком и прекрасно понимал, что за вход с него сдерут по самой высокой ставке – при такой-то репутации. Им же теперь его вечность терпеть... Но кстати, а почему тебе пришлось насильственно изымать камру у сэра Шурфа? Он что, тоже стал жадиной? То есть, звание Великого Магистра Семилестника действительно становится проклятием для всякого, кто займет это место? В жизни не верил в подобные глупости, и на тебе.

– Еще как становится, – подтвердил я. – Страшным проклятием Многоработы. Бедняга с горя сделался суеверен, как лесной колдун и обзавелся модным волшебным талисманом под названием «новый секретарь», но по-моему, стало только хуже: теперь все его свободное время, то есть, все полчаса в сутки уходят на то, чтобы ввести этого дурацкого нового секретаря в курс дела. Как по мне, лучше бы Шурф и правда просто стал жадиной. Это я бы легко пережил. Платил бы ему за встречи почасово, как няньке или домашнему учителю. И всем было бы хорошо. Пришел, отсчитал деньги, сидишь, наслаждаешься беседой. И самое главное, все остальные адепты Семилистника знают: Великий Магистр занят делом, пополняет Орденскую казну. И не врываются в его бедную голову с воплями: «Все пропало!» – или что там они орут с целью не дать начальству спокойно побездельничать в хорошей компании. Сегодня по их милости я так и не узнал, каким образом Умпонская любовная лирика эпохи Равайоров повлияла на возникновение нового метода ведения бухгалтерских книг в странах Сумеречного Союза. Это ранило меня в самое сердце. Пришлось отобрать у Великого Магистра камру – просто чтобы отвлечься от душевных терзаний. Ну и потом, я ее даже попробовать не успел. Врожденное чувство справедливости подсказывает, что так мучить людей нельзя. Особенно если эти люди – я.

– Нельзя, – флегматично подтвердил Джуффин. – Но, откровенно говоря, твой поступок вряд ли приведет к новой гражданской войне. Так что откусывать голову тут при всем желании не за что. Подвел ты меня.

– Ладно, – вздохнул я. – Не хочешь – не откусывай. Поди тебя заставь. Ты – начальство. И, если верить ежегодному летнему опросу читателей «Суеты Ехо», по-прежнему самый опасный человек в Соединенном Королевстве. А я как дурак болтаюсь на двадцать каком-то месте. Позорище. С другой стороны, ничего удивительного: Мантию Смерти я больше не ношу, а без нее я, в лучшем случае, умеренно эксцентричный городской хулиган.

– Ты мне скажи человеческими словами: у тебя действительно что-то стряслось? – устало спросил Джуффин. – Или просто потрепаться больше не с кем? Если второе, учти, об Умпонской любовной лирике я тебе ничего вразумительного не расскажу. Я до сегодняшнего дня вообще не знал, что они там еще и стихи пишут. В утешение могу дать почитать мои поправки к уставу Канцелярии Скорой Расправы. Захватывающее чтение! Их уже семьдесят семь. И я, считай, только начал.

– Ого! – уважительно присвистнул я.

– Сам знаю, что «ого», – отмахнулся Джуффин. – Давай, выкладывай, что там у тебя, пока я твою камру не допил.

– У меня – я.

– Сочувствую всем сердцем, – серьезно сказал Джуффин. – Это действительно беда. Но до сих пор ты как-то справлялся.

– Вот именно что «как-то», – мрачно согласился я.

– Что ты имеешь в виду?

– Что эту штуку, – для наглядности я стукнул кулаком по груди, – можно использовать гораздо эффективней. А пока ерунда какая-то получается. Недавно двое суток кряду ходил невидимым, как дурак, потому что переборщил с заклинанием... Между прочим, зря смеешься, это оказалось довольно неудобно.

– И что, во всей столице никто не мог этому горю помочь? – ухмыльнулся Джуффин.

– Получается так. Ты был занят, леди Сотофа только смеялась: «Ой, мне бы твое горе!», а сэр Шурф неприкрыто издевался. Дескать, всегда подозревал, что я его вымышленный друг, а теперь получил бесспорные доказательства. Даже Абилат, которого считают самым отзывчивым знахарем за всю историю Мира, от меня отмахнулся, дескать, не о чем беспокоиться, само пройдет; впрочем, так оно и вышло. Вчера я наконец-то стал видимым и на радостях чуть не спалил свой дом. А всего-то и хотел – элегантно испепелить мусор, как это делают все вокруг, включая дошкольников. Получил костер до неба. Счастье, что дело было на крыше, а то недосчитались бы памятника архитектуры.

Джуффин демонстративно зевнул, давая понять, что масштаб описанных трагедий его совершенно не впечатлил.

– Со всеми поначалу случается. Угуландская Очевидная магия в руках могущественных новичков довольно опасная штука, я тебе это уже несколько тысяч раз говорил. Не рассчитал силы, получишь катастрофу на ровном месте. Ты же знаешь, с чего началась карьера нашего сэра Мелифаро в Тайном Сыске?

– Да, – кивнул я. – Он рассказывал. Хотел откупорить бутылку, а вместо этого разнес в клочья трактир[2 - Подробности этого дела изложены в повести «Обжора-хохотун»]. Родная душа.

– Ты даже не представляешь, сколько вокруг таких «родных душ». Почти все через это прошли, включая бывших Орденских послушников, хотя за ними обычно довольно строго следили. Не то чтобы это помогало: от собственной силы не уберешься. Но ничего. Пара сотен лет регулярной практики, и проблема решается сама собой. Для тех, кто каким-то чудом уцелел.

Я бы с удовольствием зарычал, но с Джуфффином такая тактика совершенно бесполезна. Его мой гнев даже не насмешит. Поэтому я сказал:

– Ладно, пара сотен лет – ерунда, не о чем говорить, потерплю. И вы все потерпите. Возможно, даже Мир не рухнет, если очень повезет.

– Видишь, получается, даже хорошо, что я не пошел на поводу у твоих капризов и не откусил тебе голову, – заметил Джуфффин. – Двести лет без нее прожить вполне можно, но качество жизни, знаешь, немного не то.

– Ну да, жрать нечем будет, – сердито ответил я. – Это моя голова делает мастерски, я бы даже сказал, вдохновенно. И в любой момент готова повторить на бис. А вот соображает она гораздо хуже, чем положено – не только Тайному сыщику, а просто здравомыслящему человеку. Так называемый сновидец, к которому я несколько дней присматривался в полной уверенности, что его пора спасать, в смысле будить – мало ли, что не мерцает, мы все знаем, что бывают исключения – оказался простым куанкурохским путешественником. И вел себя не как лунатик, а как нормальный представитель этой, с позволения сказать, уникальной культуры. Такой уж у них обычай – задумавшись, сквозь стены проходить. А потом, оказавшись в чужом доме, без тени смущения спрашивать, где тут у них выход. Я был совершенно уверен, что наяву люди так себя не ведут. И в «Энциклопедии Мира» сэра Манги о куанкурохцах ничего подобного не написано – это я уже потом, задним числом специально посмотрел.

– Тебя можно понять, – посочувствовал Джуффин. – Куанкурохцы довольно странный народ. И до нас редко добираются. Я сам за всю жизнь был лично знаком только с одним. И еще нескольких видел издалека.

– Тем не менее, меня это не извиняет. Потому что я мог в первый же день попросить Нумминориха понюхать этого типа. Довольно нелепо сперва выяснить, что сновидения имеют запах, и у нас есть человек, способный его распознать, а потом постоянно забывать применить этот метод на практике. Хотя, казалось бы, что может быть проще? Экономит время и силы, причем не только мне...

– Да, твое поведение довольно сложно назвать разумным, – кротко согласился шеф. – Но, как я понимаю, все в итоге закончилось хорошо?

– Даже почти без скандала. Но боюсь, только потому, что куанкурохцы считают угуландцев крайне эксцентричными людьми. То есть, если называть вещи своими именами, невменяемыми придурками. И заранее готовы прощать нам любые нелепые выходки. А кто не готов, просто не приезжает в Ехо. Когда немалую часть жизни неизбежно посвящаешь войне с безумными ветрами, бытовые конфликты с чужестранцами вряд ли кажутся таким уж соблазнительным развлечением.

– Это, кстати, объясняет, почему они так редко у нас появляются, – оживился Джуффин. – Даже торговые связи почти не поддерживают, с кем угодно, только не с нами. А я-то все удивлялся, что им тут не так.

– Может, теперь наконец поедут, – предположил я. – Я объяснил этому прекрасному человеку, что самый невменяемый придурок в столице Соединенного Королевства – я сам, а с остальными иметь дело гораздо проще и приятней. Он обрадовался и сказал, что тогда вполне можно жить. В общем, с ним все более-менее в порядке. А вот ослепительный белый свет...

– Что за ослепительный свет? – нахмурился шеф. – Кто из вас начал светиться, ты или этот приезжий?

– Светиться никто не начал. Это уже совсем другая история. В которой по ряду причин мог разобраться только я, но дырку в небе над задницей, которая заменяет мне голову, не разобрался. Вернее, отчасти разобрался, но слишком

поздно.

– Объясни.

– Несколько дней назад в столице объявился сновидец... вернее, человек, которого я принял за сновидца. Успел побуянить в нескольких трактирах, даже пытался вламываться в частные дома. Причем выбирал помещения, где установили эти новомодные светильники, как их?..

– Звезда Марьеза? – подсказал Джуффин.

– О. Точно. Звезда. Кстати, а что такое «Марьеза»?

– Не «что», а «кто». Магистр Марьез Шудалина, один из друзей и помощников Короля Мёнина. Он эти светильники изобрел. При Мёнине звезды Марьеза вошли в моду, потом, как это обычно бывает, понемногу их нее вышли, при первых Гуригах о них опять вспомнили, но при Гуриге Малыше все дружно помешались на грибах[3 - Имеются в виду светильники, представляющие собой прозрачные сосуды, в которые помещают особенные светящиеся грибы. Эти грибы начинают светиться, когда их что-то раздражает, так что выключатель приводит в движение специальные щеточки, которые осторожно, но назойливо щекочут шляпки грибов. Те немедленно реагируют – светятся.], и звезды Марьеза окончательно убрали с глаз долой, в самые дальние кладовые. А в Эпоху Кодекса они были не просто непопулярны, а строго запрещены, все-таки тридцать третья ступень Черной магии. Поэтому ты их не застал. На самом деле, я рад, что звезды Марьеза понемногу возвращаются в обиход, белый свет мне, пожалуй, нравится больше, чем голубой от газовых фонарей. Не говоря уже об оранжевом свете грибов. На улице еще вполне ничего смотрится, а в помещении – тихий ужас.

– Да, – вежливо согласился я, втайне всегда симпатизировавший сердитым грибным светильникам. – Так вот, сновидец, о котором я говорю, бросался на звезды Марьеза. Врывался в помещения, где они установлены, расталкивал публику, ломился к светильнику, замирал перед ним и стоял столбом, что с ним ни делай. Рассказывают, бормотал что-то непонятное; подозреваю, молился. А какое-то время спустя разворачивался и уходил. Некоторые свидетели утверждают, что рыдая, другие говорят, он просто был зол. Мне об этом бедняге, к сожалению, далеко не сразу рассказали, потом я долго и довольно

бестолково его искал, но если бы я быстро сообразил, что происходит, возможно, смог бы ему помочь...

– Что ты должен был сообразить?

– В том мире, где я, условно говоря, родился и вырос, по крайней мере, до сих пор помню, что это было именно так, есть довольно много разнообразных гипотез посмертного бытия. В некоторых версиях рассказывается об ослепительном белом свете, соединении с которым чрезвычайно желательно для умершего. Потому что этот свет – то ли сам бог, то ли кратчайший путь к нему. В общем, теософ из меня никудышный. Но все-таки информация у меня была. А значит, я мог бы...

– Погоди, – остановил меня Джуффин. – Ты считаешь, что к нам уже не только сновидцы наведываются, но и покойники? По-моему, это как-то чересчур. Что им тут делать? У нас совершенно точно не загробное царство. Верь мне. Я проверял.

– Серьезно, что ли, проверял? – изумился я.

– Ну а как еще? Когда на нас толпами посыпались сновидцы из разных миров, мне поначалу было не до шуток. Тут поневоле задумаешься, не стоит ли за этим весельем кардинальное изменение свойств материи, а значит и самой природы нашего бытия. Такие вещи о себе лучше знать, даже если они угрожают душевному равновесию. Особенно если угрожают! Собственно, согласно контракту с покойным Королем, который с тех пор никто не переписывал, это обязательная часть моей работы: вносить ясность в подобные вопросы. Поэтому сперва мне пришлось изобрести способы проверки, а потом осуществить ее с привлечением лучших экспертов разных эпох. Некоторые, конечно, подняли меня на смех, но свое дело сделали, спасибо им. Я теперь сплю спокойно. Вот уже больше года, как очень спокойно сплю. Ни хрена наша материя не изменилась. Не в ней дело, просто приоткрылись некоторые границы, которые прежде были закрыты и в большинстве случаев не позволяли постороннему вниманию проникать в нашу реальность. Открытие этих границ, как по мне, только на пользу. Хотя бы потому, что работает в обе стороны.

– Ты хочешь сказать?..

– Именно. Нам, причем не лично нам с тобой, а множеству людей теперь тоже стало гораздо легче путешествовать между мирами в сновидениях. А некоторым и наяву. Пока это не особо заметно, но лет сто спустя сам увидишь, у нас появится гораздо больше народу, способного к Истинной магии. И Тайному Сыску, чего доброго, придется то бороться с пьяными драками в Хумгате то за ухо возвращать домой заблудившихся несовершеннолетних беглецов. Думаю, это будут очень интересные времена.

– Здорово! – обрадовался я. – А почему ты никогда мне не говорил?

– Все новости сразу не перескажешь, – пожал плечами Джуффин. – Ты о состоянии материи меня не расспрашивал, а к слову как-то не приходилось. Теперь, как видишь, пришлось. Так что можешь не волноваться: вряд ли этот человек был настоящим мертвецом, который пришел к нам в поисках своего странного светящегося бога. Скорее, просто спящим адептом веры в ослепительный белый свет, которому приснилось, будто он умер, а бог почему-то от него прячется. Наверное, это довольно неприятный сон, но бывают кошмары и похуже. Что с ним, кстати, сейчас?

– Исчез, – сказал я. – Прежде, чем я успел придумать, что можно для него сделать. Я себя за это уже съел с потрохами, но если все, как ты говоришь, получается, ничего особо ужасного не случилось. Этот тип просто проснулся у себя дома. Может, даже не помнит ничего. Но я все равно дубина, это факт. Единственный человек в этом Мире, способный понять, что означает маниакальное стремление к белому свету, по счастливому стечению обстоятельств оказался рядом с беднягой и не смог...

– Но что именно ты должен был смочь?

Я развел руками.

– Как минимум как-то его успокоить, чтобы сам не боялся и другим жить не мешал. А в идеале проводить...

– Куда? – потрясенно спросил Джуффин. – Куда ты собрался его провожать, сэр Макс? К выдуманному богу?

– Ну а вдруг он не выдуманный, а действительно есть? И даже иногда именно так и выглядит? Для начала, наверное, пришлось бы это как-нибудь выяснить. Уверен, та же леди Сотофа должна знать подобные вещи. А если бога именно такой модификации все-таки нет, придумать, что можно сделать, чтобы он появился. Не представляю как, но...

– Вот это, я понимаю, мания величия! – восхитился шеф. – Видывал я много колдунов, свихнувшихся от сознания собственного могущества. Но ни один из них не считал, будто ему по силам создавать специальных загробных богов для каждого нуждающегося покойника. Это ты, конечно, молодец. Всех переплюнул.

– Да ладно тебе, – вздохнул я. – Никакая это не мания величия. Просто специфический опыт человека, у которого то и дело случайно получаются разные странные вещи. Непонятно как. Ладно, как минимум я мог бы успокоить этого беднягу, рассказав ему какую-нибудь утешительную байку, их я сочинять мастер. Но пока я разбирался, что к чему, он исчез. Так никем и не утешенный, только вусмерть перепуганный нашими бравыми полицейскими, которых он, готов спорить, принял за демонов ада, чья задача сбить с толку всякого начинающего мертвеца. Это, как ни крути, мой профессиональный провал.

– Несмываемый позор, – согласился Джуффин. И, конечно, заржал.

И я тоже с ним за компанию, от облегчения. Я же правда думал, к нам приблудился какой-то особо невезучий мертвец, и теперь, чего доброго, оправился в бездну небытия из-за меня, дурака.

– Ну, по крайней мере, одно доброе дело ты сегодня сделал, – отсмеявшись, сказал шеф. – Спас этот Мир от моей лютой тоски. Я теперь еще долго не затоскую, при всем желании. Просто физически не смогу.

– Ладно, – вздохнул я, – насчет ослепительного белого света ты меня более-менее успокоил. А вот...

– То есть и это еще не все? – изумился Джуффин. – В гроб ты меня загонишь. А там уже небось поджидает этот твой сияющий бог. Вы с ним заранее сговорились.

Он не слишком старательно изображал досаду. Ясно, что на самом деле шеф был только рад: при всех моих недостатках я все-таки гораздо привлекательней самопишущих табличек. И поправок к судебному законодательству у меня на лбу можно не писать.

- Но остальное не так смешно, - честно предупредил я. - И лично мне здорово не нравится. Вот, например, леди Кекки Туотли несколько раз видела меня во сне...

- Бедная девочка, - ухмыльнулся шеф.

- Да не то чтобы такая уж бедная. В смысле это не романтическая история. Никто никому на сердце не наступал.

- Еще чего не хватало. Кекки, хвала Магистрам, здравомыслящий человек. И отлично знает, кого из нас под каким соусом следует употреблять.

- Вот именно. Однако это не помешало ей несколько раз увидеть меня во сне, что само по себе действительно невелика беда. Плохо, что в этих сновидениях я был какой-то подозрительно умный. Давал ей советы, она говорит, крайне своевременные. Хуже того, учил каким-то вещам, о которых, боюсь, сам представления не имею. Вроде одновременного присутствия в двух местах. Кекки клянется, что наяву даже не понимает, как к этому подступиться; надеюсь, так оно и есть. При этом о собственных выходках я узнал от нее. Ни хрена об этом не помню. И наверное можно даже не говорить, что ни о чем таком не помышлял. В голову не пришло бы учить чему-нибудь Кекки. И всех остальных.

- Остальных? - почему-то обрадовался Джуффин.

- Поучительные сны с моим участием не ей одной снятся. Есть и другие жертвы.

- В любом случае хорошо, что ты теперь об этом знаешь, - сказал шеф.

Вид он имел не встревоженный, а чуть ли не заскучавший. Спасибо, хоть не зевнул.

- Так ты, получается, в курсе?

– Хорош бы я был, если бы не. Не бери в голову, в кои-то веки это не твоя любимая проблема утраты контроля над собственными поступками. И вообще не проблема. Им снится не сегодняшний сэр Макс, а тот, кем ты когда-нибудь станешь. И овладеешь полезным древним искусством сниться против течения времени; подозреваю, из одного только пижонства. В любом случае я был рад получить столь наглядное подтверждение, что рано или поздно из тебя гарантированно выйдет толк.

– Но откуда ты?.. – начал было я, но осекся на полуслове. Все-таки Джуффин есть Джуффин. Один из самых могущественных колдунов в этом Мире. И одновременно идеальный начальник Тайного Сыска, от него ничего не скроешь, хоть на другой край Вселенной беги. Глупо то и дело об этом забывать только потому, что мы перешли на «ты».

– Откуда я все это знаю? – закончил за меня шеф. – Да оттуда, что сам насторожился, когда этот не в меру умный и подозрительно опытный сэр Макс стал сниться Нумминориху с полезными и поучительными лекциями, причем еще в ту пору, когда мы здесь понятия не имели, где ты, что с тобой происходит и жив ли вообще. Я всерьез опасался, что мальчишку взял в оборот какой-нибудь хищник из тех, что охочи до силы начинающих колдунов. Являться своим жертвам во сне таким существам обычно проще, чем наяву. А уж прикинуться кем бы то ни было вообще не проблема. Естественно, я стал выяснять, что происходит. Выяснил и полностью успокоился на твой счет, раз и навсегда. Мало того, что ты, оказывается, проживешь достаточно долго, чтобы успеть поумнеть, так еще и чувство ответственности отрасли, как отсюда до Арвароха. Что, впрочем, как раз вполне предсказуемо, ты уже сейчас рвешься всех вокруг опекать. Начиная с генерала Бубуты Боха, которого ты по-прежнему исправно снабжаешь сигарами, хотя с тех пор как его заместителем стал Трикки Лай, никакого практического смысла в поддержании дипломатических отношений с руководством Городской Полиции не осталось. Трикки, добрая душа, совершенно бесплатно с нами дружит.

– Просто бедняга успел привыкнуть к сигарам и очень без них тосковал, пока меня не было в Ехо, – объяснил я. – Абилат говорит, Кристаллы Утешения килограммами ему прописывал, но не то чтобы радикально помогло. А взять эти грешные сигары негде, только меня попросить. Обучить Бубуту добывать нужные вещи из Щели между Мирами я точно не возьмусь. И сэр Маба Калох тоже не возьмется, я спрашивал. Он даже почти не смеялся, решил, что я не в себе. Значит придется снабжать Бубуту сигарами до скончания века, а что

делать? Я же сам его ним прирастил.

– Вот-вот, именно так и выглядят первые симптомы обострения ответственности, – усмехнулся Джуффин. – Всем еще весело, но пациент уже обречен.

– Ладно, – вздохнул я, – в любом случае новость скорее хорошая. Всегда мечтал прожить пару миллионов лет, а быстрее я все-таки вряд ли поумнею.

– Не выдумывай, – отмахнулся шеф. – Первой тысячи обычно всем хватает. Но, к счастью, прибавление ума совершенно не повод ложиться и помирать, после этого становится только интересней. А теперь проваливай. С тобой по-прежнему чрезвычайно занятно, но эту работу, – он выразительно постучал пальцем по верхней в куче табличек, – за меня никто не сделает.

– Только еще один вопрос, – поспешно сказал я. – Практический.

Джуффин нетерпеливо поморщился, но согласился:

– Давай свой вопрос.

– Когда я научился ходить Темным Путем...

Шеф с видом мученика возвел глаза к потолку – дескать, так и знал, придумал себе проблему на ровном месте! Ты бы еще на отсутствие аппетита пожаловался.

Но сбить меня с толку ему не удалось.

– Меня научил Шурф, если ты помнишь, – сказал я. – И, как это ему свойственно, очень хорошо все объяснил: какие в этом деле бывают трудности и проблемы, и какие из них меня не касаются, а о чем, напротив, нельзя забывать. Только один момент он не прояснил, просто не сообразил, что его надо как-то специально оговаривать. Обычно так всегда бывает с самыми простыми вещами, о которых, как мы уверены, знают абсолютно все.

– Ты о чем? – нахмурился Джуффин.

– О том, что Темным Путем можно прийти только в заранее выбранное место. А не к какому-то конкретному человеку, который неизвестно где находится. Поначалу я об этом не задумывался и отлично добирался до всех, кто был мне нужен.

– Да, я обратил на это внимание. Надо сказать, изрядно удивился, но решил делать вид, будто так и надо. Очень полезное умение, зачем тебе знать, что ты делаешь невозможное? Чего доброго, поверишь мне на слово и перестанешь. Я правильно понимаю, что этим в итоге дело и кончилось?

– Вот именно. Я сам стал задумываться: как же так? Зачем тогда нужна работа Мастера Преследования, Большое Заклинание Призыва и все остальные хитроумные способы поймать того, кто скрывается, если можно просто прийти к нему Темным Путем? Почему никто так не делает? Начал расспрашивать и внезапно выяснилось, что Темный Путь всегда прокладывают между человеком и выбранной им точкой в пространстве, а не между человеком и человеком, как я полагал. Сэр Шурф объяснил мне, какова природа этого явления. Ну, что для осуществления настолько крупномасштабной трансформации материи нашему сознанию недостаточно зацепиться вниманием за другое человеческое сознание. Сознание просто слишком эфемерно, чтобы стать опорой, тут нужно что-то гораздо более плотное, незыблемое, в идеале – сама земля. Шурф мне даже схему закрепления потока внимания на объекте устремления нарисовал.

– Это он зря, – меланхолично заметил Джуффин.

– Ну так я сам его попросил. Хотел разобраться. А Шурф физически не способен сделать что-либо на тят-ляп. И раз уж взялся, то позаботился, чтобы до меня дошло. Это было непросто, но он справился. Я все понял и тут же утратил счастливую способность добираться Темным Путем до нужных мне людей. Нелепо, но это так. Весной, когда мы с Нумминорихом за Карвеном Йолли по пригородам гонялись, мне очень не хватало утраченного умения – ррраз! – и оказаться рядом с ним. И вот прямо сейчас, пока я этого беднягу, поклонника белого света по всем трактирам искал. И еще много раз. Пробовал, старался – ни хрена не выходит. Когда речь о знакомом, оказываюсь возле его дома или там, где мы в последний раз виделись. А когда о незнакомом, в месте, название которого более-менее созвучно с его именем-фамилией или хотя бы начинается на ту же букву; почему это чаще всего оказывается какая-нибудь глухая гугландская деревня, отдельный вопрос... Обидно – передать не могу.

Получается, мне лучше вообще ничего не знать о мироустройстве? Чтобы вконец не разучиться колдовать?

– Да, невежество долгое время являлось одной из важнейших составляющих твоего могущества, – серьезно согласился Джуффин. – Но было бы ошибкой полагаться на него и впредь. Хотя бы потому, что от знаний не уберешься. Не станешь спрашивать, все равно найдется умник, который расскажет. Или просто случайно что-то где-то услышишь – и что, все? Гораздо более достойным путем мне кажется способность перешагнуть через знание. То есть сперва ты узнаешь правила, а потом учишься действовать вопреки им. Каждый раз говоришь себе: «Это для всех остальных невозможно, а для меня – вполне». И дело в шляпе. Я сам всегда так делаю. И тебе советую. У тебя точно получится, ты упрямый. Надо только нос повыше задирать. В смысле считать себя лучше всех. Но не ради сомнительного удовольствия стать надутым индюком, а исключительно в интересах дела. Гордыня вообще отличная штука, если правильно ее применять.

Я даже рассмеялся от неожиданности.

– Какой отличный совет! Надо будет попробовать. Что-что, а хвастаться я всегда умел.

– Хвастаться дело хорошее, – вздохнул шеф. – Но не совсем то, что в данном случае требуется. Важно наедине с собой ни на минуту не забывать, что ты неописуемо крут. А с этим у тебя как раз проблемы. Ты всегда был до смешного скромным молодым человеком. Самокритичным и очень чувствительным к похвалам. Это показатель. Того, кто твердо уверен в своем могуществе, комплименты только раздражают: да кто вы все такие, чтобы меня хвалить? Впрочем, как ты себя ведешь с окружающими, не имеет особого значения. Главное – твердо знать: то, что считается невозможным для других, легко получится у тебя. Тем более, что в твоем случае это чистая правда, таких как ты действительно больше нет. Ты у нас со странностями, так уж получилось. И доказательств собственной исключительности у тебя более чем достаточно, чтобы разобраться с такой ерундой, как Темный Путь.

– А ты умеешь добраться Темным Путем до нужного человека? – спросил я.

– Нет, – спокойно ответил Джуффин. – Но только потому, что до сих пор мне не приходило в голову поставить перед собой такую задачу. Не было большой

необходимости. Все-таки я, в отличие от тебя, Большое Заклинание Призыва давным-давно, еще в Кеттари освоил. И талант Мастера Преследования у меня, хвала Магистрам, врожденный, как у большинства потомков шимарских охотников, а в Сердце Мира такие способности обычно обостряются даже без дополнительных усилий, сами собой. И еще... Впрочем, это совершенно неважно. Есть предложение: давай заключим пари, кто раньше научится. С проигравшего сто корон.

- Это называется - грабить среди бела дня беззащитных сирот, - мрачно сказал я.

- Не прибедряйся. У тебя фора: ты этот фокус уже проделывал. А что потом разучился, невелико горе, главное, опыт есть. А я пока даже не знаю, с чего начинать. И неотложных дел у меня примерно в три тысячи раз больше. Это еще кто кого собрался грабить, сэр Макс.

- Ладно, - согласился я. - После того, как своими глазами увижу, что у тебя получилось, снова поверю, что это хотя бы теоретически возможно, а там глядишь и сам смогу. За такое ста корон не жалко. Договорились. Пари.

- Интересно, на сколько надо было поспорить, чтобы разбудить в тебе настоящий азарт?

- Минимум на мою голову. Но, чур, ты этого не слышал. А то, чего доброго, однажды уговоришь.

С этими словами я все-таки вымелся из его кабинета. Надо сказать, изрядно успокоенный по всем пунктам. Сэр Джуффин Халли, самый опасный человек в Соединенном Королевстве согласно не только дурацкому газетному опросу, но и некоторым неумолимым фактам, всегда действует на меня как мощный транквилизатор. И это тоже неумолимый факт.

* * *

- У тебя все в порядке? - спросил я.

– Конечно, – ответила Базилио и адресовала мне такой печальный взгляд, что будь на моем месте обычный кровавый тиран и безжалостный убийца, его сердце было бы разбито. Возможно, навек.

Но меня такой ерундой не проймешь.

– Опять ответ не сходится?

Базилио скорбно кивнула. Ее борьба с задачником для средней школы продолжалась уже не первый день и шла с несколько более переменным успехом, чем ей самой хотелось бы.

– Даже куанкурохские головоломки проще, – пожаловалась она.

– Вряд ли, – сказал я. – Подозреваю, эти задачи не сложны, а, наоборот, слишком просты для тебя. Для их решения не нужны ни парадоксальный ум, ни воображение, ни интуиция. Только знание правил и четкое понимание, когда какое следует применять. А школьные правила ты не учила.

– Не учила, – подтвердила Базилио. – Поэтому их приходится угадывать. В смысле логически выводить из решения, которое оказалось правильным.

– Ничего себе! – присвистнул я. – И что, получается?

– Иногда, – вздохнула она. – А иногда бывает, в голову приходит решение, за которым стоит такое красивое правило, хоть на стене его записывай, чтобы перечитывать и радоваться. А потом проверяешь ответ, а он неправильный. Не сходится! И значит, красивого математического правила на самом деле не существует. Ужасно обидно! И почему-то, как назло, подтверждаются самые неинтересные правила. Которые даже запоминать не хочется. Оказывается, математика – совсем не такая захватывающая наука, как мне представлялось.

В глубине души я всегда это подозревал. Но каких бы бессердечных злодеев ни показывали мне время от времени в зеркале, мерзавца, способного обрубить крылья увлеченному новичку, среди них не было никогда. А если однажды появится, я лично его придушу, по примеру арварохских воинов-самоубийц.

Поэтому я возразил:

– Это только школьный курс не особо захватывающий. Самое интересное начинается позже, когда азы благополучно усвоены. По крайней мере, так говорят.

Кто бы сказал, что однажды мне придется держать речь в защиту математики, ни за что бы не поверил. Но жизнь в магическом мире еще и не до такого цугундера доведет.

– Поэтому на твоём месте я бы забил на дурацкие школьные задачки и взялся бы за какие-нибудь трактаты, написанные полоумными профессорами для других таких же полоумных профессоров, – заключил я. – Если уж все равно обречен ни хрена не понимать, пусть это «ни хрена» будет по-настоящему сложное и увлекательное.

– Мне близок такой подход, – согласилась Базилио. – Но с безумными трактатами придется повременить. Сейчас мне надо подготовиться к вступительным экзаменам в Королевский Университет.

Я так и сел. То есть действительно сел. В кресло. Хотя совершенно не планировал задерживаться в гостиной. Список имевшихся у меня веских причин, серьезных поводов и просто приятных предлогов выйти из дома внушал уважение даже мне самому. Но ничего не поделаешь, пришлось им пойти прахом. Знакомый, неоднократно протоптанный маршрут.

– Ты это серьезно? – наконец спросил я.

– А что, не надо? – встревожилась Базилио. – Ты против?

И угрожающе шмыгнула носом, наглядно демонстрируя готовность зареветь.

Это притом, что уж кому-кому, а ей я вообще ни разу в жизни ничего не запрещал. Даже когда девочка наша была ужасающим с виду василиском с головой индюка, рыбьим туловищем, лисьим хвостом и прочими интересными подробностями. Каковым, строго говоря, и осталась, просто выглядеть стала немного получше, несмотря на то, что ее постоянным советчиком по части

выбора гардероба был, есть и, боюсь, навсегда останется сэр Мелифаро. Потому что я даже это не способен ей запретить.

– Эй, ты чего? – улыбнулся я. – Как я могу быть против? Кто меня вообще спрашивает? Это же твоя жизнь. К тому же государственным преступлением учеба в Королевском Университете совершенно точно не является. Если бы в Кодекс Хрембера внесли соответствующую поправку, я бы знал. Просто удивляюсь, что ты мне до сих пор ничего не сказала.

– Да я бы сказала. Но тебя дома очень долго не было, – напомнила Базилио.

Строго говоря, это не совсем так. Дома я исправно появлялся. Но вступить в контакт с моим разумом в эти прекрасные моменты и правда было несколько затруднительно. Потому что, по свидетельствам очевидцев, обычно я сперва засыпаю, а уже потом в порыве лунатического энтузиазма отправляюсь Темным путем в свою спальню, сонно бормоча, что человек должен спать дома. Потому что я консерватор и домосед. В глубине души. Где-то на самом дне ее пропасти.

– Ладно, – сказал я. – Учеба в университете, если верить всему, что я об этом слышал, далеко не самое худшее, что может произойти с человеком. Знаю кучу людей, с которыми это случилось; вроде бы все выжили. Но зачем так спешить? Лично я бы на твоём месте еще пару дюжин лет бездельничал в свое удовольствие. Неужели ты уже заскучала?

– Нет, что ты! – серьезно возразила Базилио. – Мне рассказывали, что такое скука, а Дримарондо любезно зачитал мне соответствующую словарную статью; честно говоря, сомневаюсь, что мне когда-нибудь доведется испытать это необычное ощущение. Просто сэр Шурф сказал, что мне следовало бы серьезно подумать о получении образования. И предпринять соответствующие шаги.

Ага. Вот оно что.

– Ну знаешь. Если все начнут делать все, что говорит сэр Шурф... – на этом месте я умолк, потрясенный масштабами услужливо нарисованной моим воображением катастрофы: идеального, совершенного мира, где безупречные существа, крайне отдаленно напоминающие живых людей, вдохновенно совершают разумные поступки в режиме нон-стоп, прерываясь только ради философских диспутов и чрезвычайно полезных дыхательных упражнений. И отросшие от

такого образа жизни ангельские крылья трепещут на умеренно свежем, аккуратном и дисциплинированном ветру. В столь умиротворяющей апокалиптической обстановке мой друг наконец-то сможет спокойно лежать на пляже, не отвлекаясь на исправление бесчисленных несовершенств мира, а больше ему для счастья ничего не требуется. Он, можно сказать, аскет.

– Сэр Шурф чрезвычайно убедительно аргументировал, – заметила Базилио.

– Что-нибудь о необходимости получения систематизированных знаний, способствующих формированию глубокого мышления? – вздохнул я.

– Ну, это, наверное тоже, – неуверенно сказала Базилио. – Но в основном он упирал на то, что мне следует воспользоваться возможностью получить уникальный опыт беспечной студенческой жизни: толпы веселых приятелей, дурацкие ссоры по пустякам, счастливые примирения, бесконечные споры о смысле жизни, незаметно превращающиеся в вечеринки, подготовка к экзамену в последнюю ночь и все в таком роде. Сказал, будь он сейчас юным бездельником вроде меня, ни за что не упустил бы шанс так весело провести пару дюжин лет. Тем более, что магии в этом доме меня все равно как-нибудь да научат, а вот беспробудно пьянствовать и безответственно флиртовать с кем попало – вряд ли. Для этого ты слишком серьезный человек.

– Так и сказал? – изумился я.

– Примерно так. Наизусть его речь я, к сожалению, не выучила.

– Это ты зря. Изумительный вышел бы компромат на Великого Магистра Ордена Семилистника. Продали бы его «Суэте Ехо» за тысячу корон и жили бы потом припеваючи... Впрочем, ладно, и так не особо бедствуем. Но насчет беспробудного пьянства он все-таки погорячился. Ты же даже обычную человеческую еду не ешь. Только иллюзорную.

– Ну так иллюзорное вино тоже можно наколдовать, – отмахнулась Базилио. – Хотя дело, как я понимаю, не в самом вине. А в атмосфере студенческих вечеринок. Сэр Шурф говорит: лучшее, что мы можем сделать для своего сознания – предоставить ему как можно более разнообразный жизненный опыт. И почему бы не начать с приятного, если уж обстоятельства не препятствуют.

– Дело говорит, – согласился я. – По существу мне возразить нечего. Я и сам, честно говоря, с удовольствием стал бы студентом, да на вступительных экзаменах провалюсь. У тебя гораздо больше шансов.

– Я так уже не думаю, – мрачно сказала Базилио. – Во всяком случае, не в этом году. За лето я точно не подготовлюсь. Все говорят: легко, легко. А я даже не знаю, с чего начинать!

– Я тоже не знаю. И хотел бы тебе помочь, но только с толку собью... Но слушай! В этом Мире полно людей, которые прекрасно знают, с чего следует начинать подготовку к вступительным экзаменам. И на каком месте ее заканчивать, чтобы не сойти с ума. Получается, тебе просто нужен такой человек. Репетитор. В смысле учитель. Или даже несколько, по числу предстоящих экзаменов.

– А что, бывают такие люди? – удивилась Базилио. – А где с ними можно познакомиться? И как уговорить, чтобы помогли?

– Совершенно точно бывают. И уговаривать их особо не нужно, достаточно заплатить. Это же просто профессия. Нумминорих наверняка может порекомендовать кого-нибудь стоящего. Я с ним пого... Нет, лучше сама поговори.

– Потому что ты забудешь? – вздохнула Базилио.

Я развел руками. Дескать, все правильно понимаешь.

И был таков.

Это было мое первое лето в Ехо после очень долгого отсутствия. И я вовсю наверстывал упущенное, которое, разумеется, невозможно наверстать. Но все равно хочется. И желание это неодолимо. И счастье, когда на него не хватает времени, ощущается почти как беда, но все равно остается счастьем, таким огромным, что ни в одного живого человека не поместится, будь он хоть сто раз угуландский колдун. И жизнь от всего этого становится совершенно невыносимой. Невыносимо прекрасной, но кому от этого легче.

Уж точно не мне.

Тем не менее, я кидал и кидал дрова в эту топку. Больше, еще больше всего – новых впечатлений, работы, друзей, заклинаний, зрелищ, прогулок, загадок, требующих немедленной разгадки, путешествий, трактиров, удивительных сновидений, книг, задушевных ночных разговоров, леденящих кровь тайн и банальных ежедневных открытий, неизбежных для новичка, каковым я, строго говоря, все еще остаюсь.

Я хочу сказать: еще никогда в жизни я не был настолько занятым человеком. Даже в те ужасные (но все равно блаженные) времена, когда сэр Джуффин Халли регулярно объявлял, что еженощные дежурства в Доме у Моста вовсе не дают мне права отсутствовать на службе днем. Однако спал я в ту пору, пожалуй, все-таки побольше, чем сейчас, – по той простой причине, что друзей, приятелей и просто знакомых у меня было гораздо меньше. И трактиров, регулярно появляться в которых я считал своим долгом, раз-два и обчелся. И ходить Темным Путем я еще не умел, а значит, был избавлен от мучительной необходимости ежедневно выбирать, на берегу какого из морей мне нынче угодно любоваться закатом. И еще великое множество наслаждений, включая регулярное хождение по потолку было мне в ту пору совершенно недоступно. Что само по себе, конечно, довольно досадно, но на практике способствовало душевному покою и долгому крепкому сну – по большей части, в положении сидя, но этому искусству я научился, можно сказать, мгновенно. С полпинка.

Спать на ходу с открытыми глазами, поддерживая более-менее осмысленный диалог, оказалось гораздо трудней. Я пока не справляюсь.

В общем, нет ничего удивительного, что, когда несколько дней спустя Базилио спросила, разрешу ли я ее учительнице приходить в Мохнатый Дом или им следует подыскать другое место для занятий, я сперва вообще не понял, о чем речь.

– Что за учительница? Чему она собирается тебя учить?

– Математике, конечно, – вздохнула Базилио. – Сочинение по истории Соединенного Королевства я, пожалуй, и без дополнительной подготовки как-нибудь напишу; Дримарондо говорит: там на самом деле всего-то и надо –

продемонстрировать связность мышления, общую эрудицию и умение управляться с самопишущими табличками, на остальное смотрят сквозь пальцы. А вот математика...

Тогда я наконец сообразил, что речь о вступительных экзаменах. Похоже, Базилио твердо вознамерилась побороться за право участвовать в студенческих попойках.

– В своем кабинете ты можешь принимать вообще кого угодно, включая портовых нищих и беглых владык Арвароха, – сказал я. – Но в гостиной – только тех, кто понравится мне и собакам. Мнение кошек по-хорошему тоже следовало бы учитывать, но тогда в этом доме не останется никого кроме тебя.

– Ну, конечно, мы будем заниматься в кабинете! – просияла Базилио. – Но вообще она, по-моему, симпатичная. Хотя, конечно, очень строгая. Почти как ты.

Я был потрясен столь высокой оценкой. Стать образцом строгости, пусть даже в глазах отдельно взятого юного чудовища я, честно говоря, даже не мечтал. Просто не мог вообразить столь головокружительную карьеру.

– Я имею в виду, при первом же взгляде на нее сразу ясно: если ей что-нибудь придется не по нраву, всем конец, – пояснила Базилио. – Но к тебе я довольно быстро привыкла, значит и с леди Тайярой как-нибудь сумею поладить.

– С леди Тайярой, – повторил я. Просто чтобы занять делом свою нижнюю челюсть, которая так и норовила отвиснуть. И ее можно понять.

– Леди Тайяра Ката, – кивнула Базилио. – Нумминорих говорит, она способна научить математике даже равнинного крёггела[4 - То есть гнома. Гномы (крёггелы) бывают горные и равнинные. Горные крёггелы уживчивы и чрезвычайно общительны, в чем можно убедиться, посетив княжество Кебла, где живет большинство из них. А вот равнинные обладают весьма сварливым характером, по природе одиночки и крайне редко селятся среди людей. Что, наверное, только к лучшему.].

– А что, равнинные крёггелы от природы неспособны к точным наукам?

– Доподлинно это неизвестно. Просто до сих пор не было возможности проверить. Говорят, у равнинных крёггелов настолько вздорный характер, что стоит им услышать: «Дважды два четыре», – тут же начинают спорить: «С какой это стати четыре? Что за чушь? Кто тебе такую глупость сказал?» – и это, сам понимаешь, несколько затрудняет дальнейшее обучение.

Я был вынужден признать, что, скорее всего, так и есть.

– Тем не менее, Нумминорих совершенно уверен, что леди Тайяра смогла бы найти подход даже к равнинным крёггелам – при условии, что они сами к ней пришли бы. Гоняться за ними по болотам она ни за что не станет. Вероятно, именно по этой причине среди выдающихся математиков Соединенного Королевства ни одного равнинного крёггела пока нет, – завершила Базилио.

– Если ты собиралась повернуть разговор так, чтобы я захотел познакомиться с этой леди, у тебя отлично получилось, – сказал я. – Обожаю женщин, которые не гонятся по болотам за крёггелами. В наше время такие большая редкость! Когда у вас первый урок?

– Вот уже... – она ловко поймала панически мечущиеся по столу часы; даже думать не хочу, кто и зачем их так жестоко заколдовал, – буквально через десять минут. Я хотела спросить разрешения раньше, но...

– Меня не было дома, – вздохнул я. – А ты никак не могла решить, достаточно ли серьезен этот вопрос, чтобы воспользоваться Безмолвной речью, которую я терпеть не могу. Имей в виду, я высоко ценю твою деликатность. И смотрю на тебя совсем не сердито, а просто с ужасом и отчаянием человека, которому предстоит неотвратимое знакомство с учительницей математики. Я их с детства боюсь.

– Правда? – изумилась Базилио. – Тогда знаешь что? Спрячься в башне. Я ее туда не пущу!

– Спасибо, друг, – улыбнулся я. Рад, что ты готова меня защитить. Но тогда я умру от любопытства. А умирать мне сейчас никак нельзя. Кучу народу подведу.

– ...Вижу вас как наяву, – сказала леди Тайяра Ката. И буквально на миг прикрыла глаза ладонью.

По этому жесту можно довольно много понять о незнакомом человеке. Дети и приезжие, недавно познакомившиеся с нашими правилами хорошего тона, стараются выполнить ритуал правильно, честно зажмуриваются и руку от глаз не убирают, пока не договорят приветственную фразу; я сам поначалу так делал, чего уж там. Военные и полицейские резко поднимают руку и растопыривают пальцы, стараясь закрыть все лицо; Королевские придворные, напротив, совершают плавное движение, и кисть руки при этом выглядит почти вызывающе расслабленной. Отставного колдуна из давно упраздненного Ордена легко опознать по плотно сжатым напряженным пальцам, выдающим готовность в любой момент атаковать нового знакомого. Купцы, моряки и другие деловые люди торопливо взмахивают рукой, обычно даже не доносят ее до лица, всем своим видом показывают: мы взрослые люди и знаем цену формальностям. Студенты и подражающие им старшекласники обычно разворачивают руку ладонью наружу, а фразу: «Вижу вас как наяву», – сокращают чуть ли не до «ву». А вот такой короткий, небрежный, но элегантный, совершенно естественный жест, как у леди Тайяры, выдает выходцев из древних аристократических семей, с чьей точки зрения нынешняя Королевская династия – безродные провинциальные выскочки, да и легендарный основатель Соединенного Королевства Халла Махун Мохнатый не то чтобы особенно родовит. Вслух они это, ясное дело, даже наедине с собой не произнесут, но думают достаточно громко. Так, что воздух звенит.

В общем, я сделал вывод, что леди Тайяра Ката то ли происходит из старинной аристократической семьи, то ли зачем-то переняла соответствующие манеры. Если так, преклоняюсь перед ее мастерством. Лично мне эта небрежная элегантность так и не далась, сколько ни бился. А вызывавшаяся быть моим инструктором леди Меламори на четвертом занятии честно призналась, что еще никогда в жизни не была так близка к убийству на почве затмевающей разум ярости. Даже когда, нарисовав от скуки карточную колоду, пыталась научить суровых арварохских воинов играть в «Крак».

Голос у леди Тайяры был звучный, глубокий и такой теплый, что мне захотелось немедленно начать учиться математике. То есть на самом деле совершенно все равно чему, лишь бы эта женщина говорила со мной, не умолкая.

Но она явно не собиралась улаживать мой слух. Поздоровалась и равнодушно отвернулась, всем своим видом показывая, что формальность, ради которой нам пришлось встретиться, благополучно улажена, и теперь было бы неплохо, если бы я тоже это осознал и убрался куда-нибудь подальше.

Я давно привык, что все новые знакомые смотрят на меня с откровенным любопытством, плавно переходящим в суеверный восторг, и до сих пор искренне считал, что очень этого не люблю, так что, по идее, должен был обрадоваться ее безразличию. Но вместо этого почти всерьез огорчился. Сам от себя не ожидал.

Леди Тайяра Ката была чрезвычайно интересной особой. Видимо, из-за голоса она в первый момент показалась мне высокой и статной; на самом деле учительница едва доставала до плеча долговязой Базилио. Небольшая, крепко сбитая женщина средних лет, круглолицая, темноволосая, кудрявая, таких обычно не замечаешь в уличной толпе, вернее, просто не отличаешь одну от другой, очень распространенный в наших краях тип. Однако я сразу понял, что передо мной незаурядная личность. И, готов спорить, могущественная ведьма, по крайней мере, потенциально. Что-что, а чужую силу я чую безошибочно. И очень это ощущение люблю.

Я чуть было не спросил: «Вы уверены, что собираетесь учить девочку именно математике, а не тремстам Утренним Смертным Заклятиям?» – но вовремя прикусил язык. Чего доброго, обидится, откажется иметь с нами дело, и Базилио будет сутки реветь, уткнувшись в задачник. Нет уж. Пусть занимаются, а я пока займусь сбором сплетен. Благо мне есть кого расспрашивать о новых знакомых. И, по удачному стечению обстоятельств, именно этому неиссякаемому источнику полезных знаний я давным-давно задолжал совместный обед.

* * *

– Леди Тайяра Ката? Ха! Будь на твоём месте кто-нибудь другой, я бы сказал, что впервые слышу, но с тобой так шутить бесполезно. Не оценишь степень абсурда.

Сэр Кофа Йох выглядел чрезвычайно довольным. Он и так-то не слишком похож на страдальца, особенно когда сидит в новомодном трактире «Йопс[5 - Йопс – название рыбы, в изобилии водящейся в прибрежных водах Великого Крайнего моря; в пищу обычно употребляют ее плавники, которые считаются деликатесом.] у нас», за обеденным столом, над которым на высоте вытянутой руки неторопливо кружат так называемые «маленькие радости дня» – бесплатные соусы, салаты и пирожки, способные приятно дополнить любой заказ. Но сейчас Кофа натурально сиял, предвкушая, как будет меня просвещать.

Его можно понять, я – благодарная аудитория. Мало того, что не знаю общеизвестных фактов, так еще и не стесняюсь в этом признаваться. И в рот рассказчику смотрю качественно, в смысле искренне погибаю от любопытства. И перебиваю исключительно от избытка энтузиазма. Сам бы за такого слушателя дорого дал.

– С этой леди связан один из самых громких скандалов начала Эпохи Кодекса, – объяснил Кофа. – Ну и сама по себе она выдающаяся личность. Примерно шестьсот лет назад леди Тайяра Ката была одной из самых великих математиков своего времени.

– Сколько-сколько лет назад?

– Кончай придуриваться, сэр Макс. А то ты не знаешь, что для мало-мальски могущественного человека это вообще не возраст.

– Знаю. Теоретически. Но до сих пор не привык.

– Ладно, дело хозяйское. Хочешь по сто раз на дню удивляться всякой ерунде, удивляйся на здоровье. Однако интересно в данном случае не то, сколько лет прожила на свете леди Тайяра, а то, что в один прекрасный день она внезапно оставила мужа с тремя дочками и свою кафедру в Университете, где ей поклонялись примерно как арварохцы Мертвому Богу, разве только самоубийств в ее честь не совершали, но к тому шло. И поступила в Орден Посоха в Песке на правах простой послушницы. Что, впрочем, само по себе не так уж удивительно: призвание есть призвание. Я хочу сказать, когда магия решила взять тебя в оборот, не отвертись. Все бросишь и побежишь к первому попавшемуся пройдохе, который вызовется научить тебя хотя бы азам. Вот и леди Тайяра бросила; впрочем, побежала она не куда попало, а в более-менее разумном направлении. Орден Посоха в Песке в ту пору был в силе, при этом их устав не отличался особой строгостью, особенно для Орденских женщин, которые с превеликим удовольствием вели насыщенную светскую жизнь. В смысле блистали на приемах, заводили романы и вообще развлекались вовсю; тем не менее, среди них было много действительно выдающихся мастериц. Что лишний раз доказывает: отречение от Мира вовсе не обязательное условие становления могущественной ведьмы, а просто дополнительное удовольствие для тех, кому успела надоесть житейская суета. Что касается леди Тайяры, послушничество не помешало ей продолжать заниматься математикой; по крайней мере, свои самые знаменитые трактаты «Заклинание как совершенное число[6 - В вашей

математике «совершенное число» – это натуральное число, равное сумме всех своих собственных делителей (то есть всех положительных делителей, отличных от самого числа). Подозреваю, что в математике Мира этот термин имеет аналогичное значение, но доподлинно мне это пока неизвестно.]» и «Дробные степени силы» она опубликовала уже после вступления в Орден. Между прочим, я сам когда-то учился по этим книгам и почерпнул из них немало полезных сведений, причем не столько о собственно математике, сколько о многообразии методов подхода к изучению магии – если уж у кого-то получается описывать эти таинственные процессы при помощи математических формул, значит можно вообще все; для юнца, на чью долю не досталось выдающихся учителей, это довольно важное и полезное практическое открытие. Впрочем, я увлекся, извини.

– Всегда бы вы так увлекались! – искренне сказал я. – Ужасно это все интересно. «Дробные степени силы», мама дорогая! Чокнуться можно, что у некоторых людей творится в голове. И этот факт почему-то делает меня счастливым. Хотя, конечно, обидно, что лично я вряд ли когда-нибудь пойму всю эту восхитительную хрень.

– Зато ты хороший практик, – утешил меня Кофа. – К тому же тебе только что принесли отличный рыбный пирог. Тоже в своем роде «восхитительная хрень», причем вполне доступная твоему пониманию. В столице мало кто умеет достойно готовить морскую рыбу, нашим поварам привычней иметь дело с речной. Но хозяйка этого заведения сманила к себе одного из лучших гажинских поваров, за что лично я очень ей благодарен. Соскучился по тамошней кухне, а ходить Темным путем, сам знаешь, терпеть не могу.

Я сочувственно кивнул. У сэра Кофы непростые отношения с Истинной магией. Он даже говорить о ней подолгу не любит. Искусство Темного пути, которое теоретически считается своего рода переходной ступенью от традиционной Угуландской Очевидной магии к Истинной, он все-таки освоил, но применяет это умение только в случае крайней необходимости. Говорит, настроение от него портится. Если для дела надо, можно потерпеть, но мотаться по разным городам и странам в поисках экзотических развлечений – никакого удовольствия. Чертовски досадно, но помочь ему я, увы, не могу. С другой стороны, Кофа и не просит о помощи, а значит, говорить тут не о чем. Лучше уж о достоинствах здешней кухни. Или о леди Тайяре Ката, чем она хуже рыбного пирога.

– Ну и что было дальше? – спросил я. – Вряд ли дробные степени силы – достаточный повод для грандиозного скандала. Что наша леди натворила?

– Да много чего, – ухмыльнулся Кофа. – Началось с того, что в один прекрасный день леди Тайяра Ката покинула Орден Посоха в Песке, которому посвятила почти четыреста лет жизни, и перешла в Орден Решеток и Зеркал. Вот ты сейчас не удивился, а напрасно! Редчайшее событие по тем временам. Просто покинуть Орден – такое, конечно, случалось. Я сам в свое время вышел из Семилистника, когда понял, что мне там нечего ловить[7 - Об этом (и многом другом) сэр Кофа Йох рассказывает в повести «Горе господина Гро»]. И даже отношений ни с кем особо не испортил. Но демонстративно перейти из одного Ордена в другой – подобные случаи по пальцам пересчитать можно. А чтобы так поступила одна из старших Орденских женщин – вообще немислимо. Они обычно или в первый же год уходят, убедившись, что ошиблись с выбором, или остаются навсегда. Женщины, как я понимаю, сразу достаточно глубоко погружаются в практику и снимают такие сливки, что карьерные соображения и личные отношения с соратницами быстро утрачивают для них даже подобие смысла. Вот я, вот магия, вот путь, по которому я иду, все остальное не имеет значения.

– Мне это очень понятно, – невольно улыбнулся я.

– Тебе только кажется, что понятно. На самом деле ты устроен ровно наоборот. Во-первых, уж на что, на что, а на личные отношения с соратниками тебе не плевать до такой степени, что если завтра мы все внезапно окажемся презирающими тебя злобными негодьями, ты уйдешь из Тайного Сыска, на прощание хлопнув дверью так, что небо на землю обрушится. И никакие соображения о необходимости следовать по единожды выбранному пути тебя не остановят.

Я даже говорить ничего не стал. И так ясно, что это правда.

– А во-вторых, – продолжил Кофа, – если Джуффин предложит тебе, к примеру, отправиться в Шиншийский Халифат на предмет изучения тамошней магии, более-менее убедительно аргументировав, зачем это нужно, ты скорее всего поскандалишь для порядка, но все равно заинтересуешься. И захочешь попробовать. А попробовав, увлечешься так, что забудешь обо всем на свете. И будешь потом нам рассказывать, насколько Шиншийская магия оказалась причудливей нашей Очевидной Угуландской. Что, впрочем, совершенно не помешает тебе еще через пару лет заинтересоваться чем-нибудь новеньким.

– Скорее всего так, – согласился я. – Но только при условии, что это будет именно магия. Вряд ли я теперь когда-нибудь от нее откажусь.

– Во-о-о-от! – веско сказал Кофа. – Лишь бы магия, а в какой именно традиции ею заниматься, дело десятое. А для Орденских женщин обычно важно идти одним и тем же путем, не сворачивая. Сменить традицию для них все равно что добровольно рассыпаться в пыль, а потом кропотливо собирать себя заново из этих пылинок, причем без особой надежды получить хотя бы не худший результат. Так уж они устроены – не все подряд, но большинство.

– А леди Тайяра оказалась исключением?

– Получается, так. Сама она объясняла, что просто достигла предела – не магии как таковой, конечно, а своих возможностей в рамках конкретной традиции. Ей хотелось двигаться дальше, а в Ордене Решеток и Зеркал ее ждали с распростертыми объятиями: заполучить настолько могущественную и влиятельную перебежчицу – редкая удача. Даже о своей традиции принимать только девственниц не вспомнили, а ведь как кичились этим правилом, якобы принципиально отличавшем их от всех остальных, вспоминать смешно! Ну, правда, Тайяру не в послушницы взяли, а сразу ввели в Дальний Зазеркальный Круг или как там у них называлась шайка самых чокнутых Орденских ведьм... Бывшие соратницы леди Тайяры так растерялись, когда она сообщила им о своем решении, что отпустили ее без лишних разговоров, даже отравить не попытались, только связали парой дюжин крепких заклятий, чтобы Орденские тайны новым коллегам не выболтала; помогло это или нет, лично я не в курсе. Да и какая теперь разница. Давным-давно нет обоих Орден, а все их секреты аккуратно переписаны исследователями истории Угуландской магии на радость будущим поколениям кабинетных умников.

На этой оптимистической ноте сэр Кофа умолк и занялся ловлей кружащих над нами соусов, оставив меня терзаться любопытством. Испепелять рассказчика нетерпеливым взглядом так, что на нем начинает дымиться лоохи – мой коронный номер, и Кофа это знает, поэтому пауза была недолгой. Свою одежду он, хвала Магистрам, бережет.

– Ты вообще имеешь представление, что это был за Орден – Решеток и Зеркал? – спросил Кофа, благополучно ухватив нужную склянку. – И какого рода занятиям отдавали предпочтение входящие в него леди?

– Да не то чтобы, – признался я. – Но одна из них чуть не оставила меня без головы в самом начале моей карьеры[8 - Речь о событиях, описанных в повести «Магахонские лисы».]

– Ну, значит, имеешь. И не слишком удивишься, узнав, что адепты Ордена Решеток и Зеркал уделяли немало сил и внимания магическим практикам пресечения жизни, иными словами, искусству убивать. Особых высот в этом деле достигли женщины Ордена. Ведьмы, по моим наблюдениям, довольно редко специализируются на убийствах, но если уж берутся, им нет равных. Женщин Ордена Решеток и Зеркал в Смутные Времена боялись едва ли не больше, чем мальчиков Лойсо Пондохвы[9 - Речь об Ордене Водяной Вороны, наводившем ужас на Соединенное Королевство в Смутные Времена.], а это надо было очень постараться. Однако у них получилось. В частности благодаря Лотерее Смерти.

– Лотерее? – озадаченно переспросил я.

– Да, именно. Несколько раз в год старейшие Орденские дамы разыгрывали, кому из горожан предстоит умереть. Выбирали всего одну жертву, но этого хватало, чтобы поддерживать горячий интерес населения к их затее. В лотерее вынужденно участвовали те жители столицы, чьи имена были хотя бы в одном документе из городского архива – составлять список самостоятельно леди поленились. Впрочем, в архиве так или иначе значились практически все горожане, кроме разве что потомственных бродяг. Много лет город трепетал в ожидании имени новой жертвы, которой мог оказаться кто угодно: богач, портовый нищий, новорожденный младенец, знаменитый знахарь, единственный наследник почтенной фамилии, садовник, Старший Магистр любого Ордена, Королевский слуга и даже моряк, совершающий дальний рейс. Смерть наступала избранника неизбежно: женщины Ордена Решеток и Зеркал умели убивать на любом расстоянии, так что бежать из столицы не было особого смысла. Только надеяться, что пронесет. Я, как ты знаешь, был в Смутные Времена начальником Правобережной полиции, и эти лотереи стали моей худшей головной и сердечной болью. Ни разу я не смог помешать этим ведьмам осуществить задуманное. И вообще никто.

– А смысл – убивать кого попало, наугад?

– Держать всех в страхе – вот тебе и смысл. Для Эпохи Орденов вполне обычный. Кого боятся, тот и на коне.

– Жрали они, что ли, этот страх? – сердито спросил я.

Вопрос был риторический, но Кофа кивнул:

– Совершенно верно, именно что «жрали». По крайней мере, некоторые колдуны умеют извлекать из страха выгоду. Существует старинный ритуал, позволяющий присвоить часть силы того, кто тебя боится. Довольно сложный в исполнении, зато не настолько секретный, чтобы никто не мог о нем разузнать. Я сам, каюсь, в свое время его разучил...

– Вы?!

– Ну да. А чему ты удивляешься? Я был молод, любопытен, полон решимости достичь вершин магии, лишен мало-мальски разумного руководства и, как следствие, кидался на все подряд. Впрочем, я только раз попробовал, с меня хватило. Сила, как выяснилось, тоже разная бывает, если не по сути, то на вкус. И этот вкус мне совсем не понравился. Лучше уж признать свою никчемность и приятно провести остаток дней в притонах Куманского Халифата, чем так. Но не все настолько брезгливы, увя.

– Да уж, – растерянно согласился я.

– Что же касается способности женщин Ордена Решеток и Зеркал убивать жертву на любом расстоянии, за этим их удивительным умением, как впоследствии выяснилось, стоял точный математический расчет. Я имею в виду, что ритм и темп смертоносных заклинаний изменялись в соответствии с формулами, выведенными без преувеличения математическим гением. Для каждого нового случая требовался новый пересчет, так что заскучать леди Тайяре не давали.

– Вот оно как, – задумчиво сказал я. – Какую однако славную учительницу нам присоветовал Нумминорих! Вот и доверяй после этого рекомендациям друзей.

– Учительница она, говорят, действительно отличная, – заверил меня Кофа. – Лучше даже в Куанкурохе не отыщешь. А что касается ее прошлого, просто вспомни, чем занимались в Смутные времена твои ближайшие друзья. За исключением разве что тех, кто не подсуетился вовремя родиться и

поучаствовать в этом веселье. Но вряд ли это можно считать личной заслугой.

Я был вынужден признать, что он совершенно прав. В сравнении с тем же сэром Шурфом леди Тайяра практически ангел. Подумаешь – смертоносные формулы. Живьем на куски никого от избытка усердия не раздирала, уже молодец.

– То-то и оно, – усмехнулся Кофа, не то прочитавший мои мысли, не то удовлетворившийся выражением лица. – Ученая леди успешно решала интереснейшие с ее точки зрения задачи и была благодарна судьбе за такую удачу. А что ее труды сделали возможной Лотерею Смерти – ну так не сама же она эту лотерею придумала. К тому же, ты учти, ее соратницы по новому Ордену умели убеждать. Лично я, по правде сказать, совсем не уверен, что леди Тайяру действительно заморозили, но официальная версия была именно такова.

– Официальная версия?

– Да. Когда с Орденом Решеток и Зеркал было покончено, и его чудом уцелевшие адепты предстали перед Королевским Судом, Орден Семилистника потребовал для них пожизненного заключения в Холоми. Ну, то есть на самом деле Нуфлин мечтал о смертной казни для всех, но в этом вопросе покойный Король был тверд как скала: смертная казнь – проклятие и гибель для всякого государства, которое решится ее узаконить. Поэтому всех врагов Семилистника, которых не успели убить в ходе войны, пришлось отдать Королевским судьям. А те оказались далеко не так суровы, как хотелось бы Нуфлину. Насколько я помню, из женщин Ордена Решеток и Зеркал к пожизненному заключению приговорили только леди Ларию Бам, совершенно безумную старуху; большая удача для нее и нас всех, что при Холоми состоят превосходные знахари, и кристаллов Смирения у них достаточно, а то с этой дамы случилось бы сгрызть стены темницы до основания, за сотню лет как раз управилась бы, и был бы нам всем сюрприз.

– Какая интересная, должно быть, леди, – осторожно заметил я.

– Да не то слово, сэр Макс. Совершенно в твоем вкусе. Не сомневаюсь, ты бы отлично с ней поладил, как, впрочем, и с большинством ее подруг. Иногда хочется посочувствовать, что ты не застал Смутные Времена и упустил столько прекрасных возможностей, но как подумаю, чем бы ты тогда занимался, и сострадание в моем сердце сменяется ликованием: как же нам всем повезло!

– Да я бы в первый же день спрятался в самом глубоком погребе и сидел бы там до самого принятия Кодекса. Терпеть не могу воевать.

– Вполне вероятно, – согласился Кофа. – Но даже вообразить страшно, какую компанию ты бы в этом погребе собрал. Уверен, что парочка бездомных фэтанов[10 - Фэтан – очень опасное чудовище. Строго говоря, это обитатель иного мира, посредством магии призванный в Мир и обученный некоторым вещам. Фэтаны не имеют телесной оболочки. Чем дольше фэтан живет, тем сильнее он становится, со временем обретает способность подчинять своей воле оказавшихся рядом людей и постепенно полностью разрушать их сознание. Питаются фэтаны человеческой жизнью, нападают, как правило, на спящих, но, войдя в силу, могут убивать и бодрствующих. Довольно много о фэтанах рассказывается в повести «Джуба Чебобарго и другие милые люди».], вызванных каким-нибудь безответственным чародеем, выглядела бы милейшими домашними любимцами на фоне всех остальных.

Тут не поспоришь. Я и правда довольно общительный.

– А леди Тайяру Ката Королевский суд оправдал, – сказал Кофа. – Ни единого года в Холоми, даже к изгнанию ее не приговорили, хотя в ссылку тогда отправляли всех подряд, включая безобиднейших юных послушников, просто от греха подальше. Официальная версия, как я уже говорил, такова: леди Тайяра способствовала проведению Лотереи Смерти не по собственной воле, а под воздействием тайно наложенных на нее чар. Скандал был – ты не представляешь!

– А чего скандалить-то? Даже я знаю, что согласно Кодексу Хрембера, человек, совершивший преступление под воздействием чужого колдовства, не подлежит наказанию. Или тогда этого закона еще не было?

– Был. Совсем новенький, несколько дней назад принятый; впрочем, в Кодекс Хрембера он переключался из старого Королевского уголовного права и сюрпризом ни для кого не стал. Просто ведьму с такой репутацией, как у леди Тайяры довольно непросто вообразить насильственно околдованной; другие женщины Ордена Решеток и Зеркал, присутствовавшие на процессе в качестве обвиняемых, открыто опровергать судебскую версию не стали, но хохотали так, что стены тряслись. Отдельно забавно, что сама леди Тайяра пыталась протестовать, но ее и слушать не стали, сказали: большинство околдованных не знают, что с ними произошло, вы не исключение.

– Какой, однако, гуманный у вас был суд, – удивился я. – Странно, что хоть кого-то в Холоми отправили.

– Да не то чтобы такой уж гуманный, – усмехнулся Кофа. – С сегодняшней точки зрения его и особо справедливым-то не назовешь. Места в Холоми и правда сэкономили как могли, зато на пожизненное изгнание не скупились. Судьи, как и все остальные горожане так устали от Смутных Времен, что старались отправить в долгую, а еще лучше бессрочную ссылку как можно больше колдунов, не особо разбираясь, кто чего успел натворить. Но леди Тайяра – особый случай. В нее был влюблен ныне уже покойный сэра Хосама Аули, Старший Мастер Хранитель Королевской Печати, иными словами, личный доверенный секретарь Его Величества Гурига Седьмого, персоне в ту пору настолько влиятельная, что остается только радоваться его полному равнодушию к большинству дел. Однако с леди Тайярой у него был страстный роман, задолго до описанных событий; кажется, еще в ту пору, когда она состояла в Ордене Посоха в Песке. Для нее, как я понимаю, незначительный эпизод, а для него – любовь всей жизни. Так иногда бывает.

– Бывает, – печальным эхом подтвердил я.

– По-человечески я Хосаму понимаю, – сказал сэра Кофа. – Однако общественное доверие к Королевскому Суду эта история изрядно пошатнула. Скандал был грандиозный, в городе циркулировали неубедительные, но приятно будоражащие воображение слухи о готовящемся поджоге здания суда, представители старых аристократических семей, служившие в Канцелярии Скорой Расправы, один за другим демонстративно подавали в отставку, а Магистр Нуфлин оживился и заново попытался протолкнуть свою вождевленную поправку о допустимости смертной казни в так называемых исключительных случаях. В конце концов Королю пришлось уволить нескольких судей и формально понизить в должности сэра Хосаму Аули; по уму, его следовало бы выгнать к Темным Магистрам, от греха подальше, но кто по доброй воле откажется от хорошего секретаря?

– А что леди Тайяра?

– Сразу после суда она покинула Соединенное Королевство и отсутствовала почти сто лет. Забавно, что, будь она признана виновной, примерно такой срок изгнания ей, по идее, и присудили бы. Стоило суетиться!

– А почему уехала-то? – удивился я. – Совесть замучила? Или Королевский секретарь ухаживаниями достал?

– Все гораздо проще, сэр Макс. В первые годы Эпохи Кодекса врагам Ордена Семилистника, будь они хоть трижды оправданы Королевским Судом, в столице, скажем так, не жилось. А если жилось, то недолго. Ясно, что доказать причастность адептов правящего Ордена к нескольким дюжинам внезапных смертей никто не брался. Не то чтобы поймать их за руку было невозможно, просто связываться не хотели. Но потом за дело наконец взялся Джуффин, а он, сам знаешь, виртуоз межведомственного шантажа. В результате нескольких раундов переговоров бедняга Нуфлин постарел примерно на три тысячи лет, Тайный Сыск получил некоторые дополнительные полномочия, необходимые нам для нормальной работы, а необъяснимых несчастных случаев с бывшими Магистрами стало на порядок меньше; я был бы рад сказать, что они совсем прекратились, но увы, до такой идиллии мы в ту пору не особо рассчитывали хоть когда-нибудь дожить.

– Мрак, – констатировал я. И, подумав, добавил: – Жуть.

Иногда я просто образец красноречия.

– Так или иначе, а леди Тайяра благоразумно покинула Ехо сразу после оглашения оправдательного приговора. А потому уцелела. Благо убивать на расстоянии в Семилистнике никто не умеет. По крайней мере, раньше не умели. Теперь-то за них взялся сэр Шурф. Даже думать не хочу, чему он может их научить.

– Дыхательной гимнастике, – усмехнулся я. – И возможно, искусству жрать слоеный пирог, не обронив ни единой крошки. Как он это делает, ума не приложу!

– Всего-то двадцать седьмая ступень Черной магии, – отмахнулся Кофа. – Ничего особо сложного, но все удовольствие от еды насмарку. Поэтому настоящие гурманы никогда не используют этот фокус. И тебе не советую. Подумаешь – крошки. Тоже мне беда.

– Ужас в том, что до принятия поправок к Кодексу, когда сэр Шурф был простым Тайным Сыщиком, вроде нас с вами, и колдовать для личных нужд вне специально предназначенных для магии помещений отказывался наотрез, крошек все равно не было. Ни одной грешной крошки, хоть ты тресни. Меня это натурально сводило с ума.

– Тем не менее, ты тогда как-то подозрительно быстро с ним подружился.

– Так именно поэтому. Когда что-то сводит меня с ума, я стараюсь с этим подружиться. Самый верный способ взять ситуацию под контроль.

Сэр Кофа одобрительно ухмыльнулся и принялся набивать трубку. Я спросил:

– А как вышло, что леди Тайяра, вернувшись, стала простым репетитором, а не получила в свое полное распоряжение кафедру в Королевском Университете или еще где-нибудь? Я имею в виду, если она настолько крупная величина?

– Была величина, – пожал плечами Кофа. – В долгой жизни есть некоторое неудобство: твои бывшие заслуги обесцениваются в твоем же присутствии. Жизнь-то не стоит на месте. Пока леди Тайяра искала силу в Орденах и колесила по Миру, наука ушла далеко вперед; полагаю, наверстать упущенное довольно нелегко. Впрочем, вполне возможно, она сейчас как раз занята каким-нибудь самостоятельным исследованием и несколько лет спустя снова удивит своих коллег. А жить меж тем на что-то надо: семейное имущество давным-давно поделено между правнуками. Да и сколько там было того имущества. По матери леди Тайяра происходит чуть ли не от Ульвиара Безликого, но наши аристократы, вопреки распространенному мнению, далеко не всегда богачи.

– Ясно, – кивнул я. – Ладно, не буду лишать ее заработка. Собственно говоря, даже если она научит Базилио высчитывать формулы убийства на расстоянии, никакого практического вреда от этого, готов спорить, не будет. Все-таки девочка только с виду человек. Чудовищам я как-то больше доверяю.

– Это совершенно естественно, – невозмутимо заметил сэр Кофа. – Все больше доверяют своим.

Нельзя сказать, что полученная информация исполнила меня симпатии к леди Тайяре Ката, но вечером глаза Базилио сияли как у влюбленных; связно говорить она при этом могла только о квадратных корнях – дрожащим голосом, с придыханием, так что мне захотелось срочно свести знакомство с парой-тройкой этих самых квадратных корней и проверить, так ли они хороши. Но по улицам они без присмотра не бегают, поэтому шансы мои были невелики.

В общем, я убедился, что Базилио действительно повезло с учительницей. И окончательно решил: раз так, пусть приходит. И Нумминориха за рекомендацию поблагодарил гораздо более искренне, чем намеревался. И на какое-то время выбросил эту историю из головы. Потому что, как я уже говорил, это было мое первое лето в Ехо после долгого отсутствия, я старался взять от него все и не рыдал от счастья по дюжине раз на дню только потому что даже этого не успевал.

* * *

– Мне это тоже не нравится, – сказал сэр Кофа Йох.

– Именно поэтому я вам и рассказал, – кивнул Трикки Лай. И спохватившись, поспешно добавил: – То есть не потому, что хотел вас расстроить, а потому, что...

– Устал расстраиваться в одиночку, – ухмыльнулся Кофа. – Это я могу понять.

– Может быть, вы и меня расстроите? – вежливо спросил я. – За компанию.

Вообще-то я зашел к Трикки, чтобы выпить с ним камры. И спросить, как у него дела. Не то чтобы я жить не мог без этой ценной информации, просто пришла его очередь. Когда приятелей у тебя примерно втрое больше, чем часов в сутках, приходится составлять четкий график ни к чему не обязывающих дружеских встреч. И строго его придерживаться, если не хочешь в один прекрасный день обнаружить, что куча народу считает тебя совершенно бессердечной свиньей.

Эти двое смущенно переглянулись. Натурально как дети, застуканные сверстником при поедании конфет – с одной стороны, считается, что надо

делиться, с другой – самым мало, с третьей отказывать все-таки как-то нехорошо.

– Тебе, наверное, будет не особенно интересно, – наконец сказал Трикки Лай.

Другой бы на его месте сказал: «Это не по твоей части», но заместитель начальника столичной полиции – очень деликатный человек. Однако, что по моей части, а что нет, не ему решать. И не сэру Кофе. И даже не мне самому. Все, что мы можем, – это делать ставки, потому что никогда заранее неизвестно, где я сяду в лужу, а где спасу положение одним правильно поставленным вопросом. А где просто принесу удачу, как одноразовый ярмарочный талисман за пять горстей.

При этом в Доме у Моста у меня сложилась репутация крупного специалиста по непостижимому и неопределенному, которого к простым человеческим проблемам лучше близко не подпускать. И как всякая устойчивая репутация, она сильнее фактов: сколько бы так называемых «простых человеческих» проблем я ни решил, мои коллеги упорно считают это случайным совпадением. Зато если завтра за каким-то чертом понадобится отправиться в чужую Вселенную, населенную исключительно невидимыми демонами-людоедами, и уговорить их присягнуть на верность Его Величеству Гуригу Восьмому, все головы как бы невольно повернутся ко мне, и единственным человеком, сомневающимся в благополучном исходе этого мероприятия, буду я сам. Но меня быстро переубедят.

Вслух я все это говорить, конечно, не стал. Борьба с чужими заблуждениями – дело совершенно бессмысленное. Поэтому для подобных случаев у меня есть универсальный аргумент.

– Если уж так получилось, что я вошел в тот самый момент, когда вы обсуждали какую-то проблему, значит, судьбе угодно, чтобы я тоже был в курсе, – сказал я. – Вы как хотите, а лично я стараюсь ей не перечить. Характер у этой леди тяжелый. И убедительности ей не занимать.

Кофа и Трикки растерянно переглянулись. Они люди практичные и, готов спорить, задумываются о велениях судьбы не чаще, чем я о логарифмах. То есть только когда какой-нибудь вдохновенный псих слишком громко орет о них за окном.

– Лично мне для сэра Макса ничего не жалко, – наконец сказал Кофа. – Особенно проблем. Тем более, чужих.

– Мне и своих не жалко, – в тон ему ответил Трикки Лай. – Ни для кого. Забирайте все!

Я адресовал обоим вопросительный взгляд.

– Так что стряслось-то?

– На самом деле, я совсем не уверен, что оно вообще стряслось, – сказал Трикки. – Просто несколько прискорбных происшествий, строго говоря, даже не по нашему ведомству, полицию в таких случаях просто формально ставят в известность. Каждое из этих происшествий по отдельности выглядит вполне обычным, хоть и трагическим случаем, но в сочетании они производят на меня довольно странное впечатление.

– Понимаю, – нетерпеливо кивнул я, всем своим видом призывая рассказчика завязывать с увертюрой и переходить к делу.

Не то чтобы это помогло. Трикки чертовски обстоятельный.

– Штука в том, – начал он, – что в последние годы убийства в Ехо стали большой редкостью. И несчастных случаев со смертельным исходом тоже гораздо меньше. И даже от болезней, судя по поступающим в полицейский архив отчетам городских знахарей, стали умирать нечасто.

– Да, это действительно проблема. Надо же, никто не желает умирать! Целиком разделяю твое беспокойство, – я изобразил людоедский оскал, как я его себе представляю.

Обычно получается смешно, но сейчас сэр Кофа только с досадой поморщился. А Трикки совершенно серьезно сказал:

– Нет, что ты. Такое положение дел меня как раз совершенно устраивает. Нет ничего хорошего в том, чтобы все вокруг умирали.

Когда я разговариваю с Трикки Лаем, мне то и дело мерещится, что передо мной наскоро изменившая внешность Базилио. Ничего удивительного, все-таки он ее создатель[11 - Подробно эта история описана в повести «Мастер ветров и закатов»]. Трикки тренировался в создании безобидных недолговечных иллюзий для детского утренника, нечаянно применил слишком высокую степень магии и получил такой впечатляющий результат, что я до сих пор содрогаюсь, вспоминая нашу с Базилио первую встречу. Что, конечно, не помешало мне взять ужасающее чудовище под защиту и поселить его в собственном доме. Это, кстати, очень эффективный метод: хочешь перестать чего-то бояться – начинай его опекать.

Говорят, овеществленные иллюзии наследуют ум и характер своего создателя. Думаю, именно поэтому наша Базилио так легко улаживает любые житейские проблемы, разгадывает самые сложные головоломки и регулярно обыгрывает меня в «Злик-и-Злак». И несмотря на последнее обстоятельство, кажется мне ангелом, зачем-то спустившимся к нам с небес. Трикки Лай – точно такой же ангел. И чувство юмора у них обоих ангельское. В смысле большинство нормальных человеческих шуток эти двое не понимают, хоть стреляй. За последние полгода я прочел им столько лекций о природе комического, что составленный из них учебник пришлось бы разбить как минимум на два тома, но это, мягко говоря, мало что изменило. Я уже зарекся объяснять.

Поэтому я с непристущей мне кротостью сказал:

– Разумеется, нет ничего хорошего в том чтобы все вокруг умирали. Своей абсурдной репликой я просто хотел тебя рассмешить. Не получилось. Извини, что перебил.

– Ничего страшного, – великодушно улыбнулся Трикки. – А ты извини, что я начал с описания общей ситуации, которую вы с сэром Кофой прекрасно знаете и без меня. Просто понимаешь, когда я только поступил на службу в Городскую Полицию, восемь внезапных ненасильственных смертей за полторы дюжины дней не вызвали бы у меня никаких подозрений. Время от времени с людьми случаются несчастья, это печально, но ничего необычного в этом нет, – так я тогда думал. Но теперь мне кажется, это как-то многовато.

Я вопросительно посмотрел на Кофу. Потому что в вопросах статистики городских происшествий я полный ноль. А он – эксперт.

– Мальчик совершенно прав, – подтвердил Кофа. – Восемь – это сейчас чуть ли не полугодовая норма. Впрочем, несчастных случаев со смертельным исходом у нас и прежде было немного. Все-таки основам магии люди более-менее обучены, умеют себя защитить. И внезапная смерть от болезни всегда была огромной редкостью. Знахари нынче далеко не такие кудесники, как в годы моей юности, но все равно, объективно говоря, неплохие. Плюс почти в каждой семье найдется какой-нибудь дед или бабка с полным погребом отличных самодельных микстур по древним лесным рецептам. Неизлечимые хвори, конечно, есть, но таких, чтобы больной до последней минуты не подозревал, что с ним происходит неладное, как-то не припоминаю. Разве только утрата Искры может показаться обычной усталостью, но лишь поначалу. И не о ней в наших случаях речь.

– Ясно, – кивнул я. – Значит, число происшествий резко выбивается из общей картины. Логично предположить, что в столице объявился какой-нибудь ловкач, способный замаскировать убийство под несчастный случай?

– Я тоже сразу об этом подумал, – кивнул Кофа. – Хотя, на первый взгляд, не похоже, что все происшествия дело одних рук. На одного обрушилась стена старого здания, предназначенного под снос, у другого, считавшего себя здоровым и полным сил, внезапно остановилось сердце, третья споткнулась в собственном доме и неудачно ударилась головой об острый выступ декоративной скульптуры... Что там еще, Трикки?

– Еще два падения – с лестницы и с крыши, роковая небрежность при работе с ядами, смерть от редкого заболевания крови, но без обычных симптомов, которые помогли бы вовремя ее распознать и начать лечение. И – вот буквально сегодня утром! – укус арварохского зайца клец...

– Чего?! – я ушам своим не поверил.

– Арварохского зайца клец, – повторил Трикки.

– Смертельно ядовитая тварь, – пояснил сэр Кофа. – Заяц клец опасней любого хищника, потому что очень труслив и от страха кусает всех подряд, особо не раздумывая. А противоядия от его укусов не существует, потому что ни в наших краях, ни в Уандуке ничего подобного, хвала Магистрам, не водится, а с точки зрения арварохцев смерть – не такая великая беда, чтобы придумывать, как от

нее защититься.

- Но откуда этот грешный заяц взялся в Ехо?

- Это мы как раз сейчас выясняем, - вздохнул Трикки Лай. - Скорее всего, зайца привез какой-нибудь ловкий контрабандист по заказу самого покойного. В его доме живет довольно много экзотических животных, и слуги специально обучены уходу за ними.

- Сэр Аринама Кота, - кивнул Кофа. - В прошлом Старший Магистр Ордена Могильной Собаки, а ныне коллекционер живых редкостей... То есть был коллекционер. Нелепая смерть от нелепого хобби. Вот бедняга. А какой был когда-то блестящий, парадоксальный ум! И колдун совсем неплохой, особенно с учетом того, в какой бестолковый Орден его угораздило поступить...

- И какой непутевый Великий Магистр этому Ордену достался, - язвительно вставил я.

С Великим Магистром Ордена Могильной Собаки Махлилглом Аннохом у меня свои счеты. Он тоже, можно сказать, меня укусил[12 - Великий Магистр Махлилгл Аннох в конце Смутных Времен был заключен в Холоми. Желая обрести бессмертие, он умер в тюрьме, а потом пытался воскреснуть, для чего забирал жизненную силу заключенных, оказывавшихся в той камере, в которой он умер. Этому безобразию был положен конец, однако в ходе борьбы я сам едва уцелел и (вероятно, это следует считать «осложнением») стал ядовитым, точнее, обзавелся ядовитой слюной, чему, положа руку на сердце, совсем не рад и стараюсь как можно реже использовать это полезное, но неприятное мне самому оружие. Подробно эта драматическая история рассказана в повести «Камера № 5-хох-ау».]. С тех пор я сам ядовитый, не хуже арварохского зайца. Просто, в отличие от зайца, умею держать себя в руках. Иногда.

- Магистр как магистр. Знавал я и менее путевых, - усмехнулся Кофа.

- Вот это, кстати, удивительное обстоятельство, о котором я не успел вам рассказать, - встрепенулся Трикки. - Все покойные в свое время состояли в разных магических Орденах. То есть люди, надо полагать, опытные и умелые. Я, сами знаете, живу в Ехо всего несколько лет и магии учусь столько же. Но даже я в половине описанных случаев сумел бы себя защитить. Смягчить удар при

падении, замедлить разрушение стены – ну слушайте, вообще не проблема! Насчет ядов, болезней и арварохского зайца не так уверен, но только потому, что в этой сфере у меня совсем нет опыта.

– Совершенно верно, – согласился сэра Кофа. – Обстоятельство не просто удивительное, а обескураживающее. Ты не упомянул об их прошлом, но я-то этих людей знаю – кого-то лично, остальных понаслышке. Беспомощными их никак не назовешь. Хотя, конечно, все можно списать на возраст и долгий перерыв в практике. Все они по разным причинам избежали изгнания, но находились под строгим надзором и знали об этом, а потому вели себя крайне осмотрительно. Что неплохо для законопослушного гражданина, но, будем честны, почти самоубийственно для колдуна.

– То есть лучше бы им было отправиться в ссылку? – спросил я.

– Вот именно. Жизнь показала, что регулярные, пусть даже безуспешные попытки колдовать вдали от Сердца Мира – отличная тренировка. Почти все изгнанники возвращаются в Ехо в прекрасной форме; многие, ты помнишь, доставляли нам проблемы, но по-человечески за них можно только порадоваться. Нет ничего хуже для мало-мальски способного колдуна, чем добровольный отказ от практики. А до недавних пор у оставшихся в столице не было особого выбора: не хочешь в тюрьму или ссылку – сиди смирно. Сам знаешь, до принятия новейших поправок к Кодексу бескорыстное колдовство для поддержания формы считалось точно таким же преступлением, как причинение реального вреда. И мы были вынуждены принимать меры.

– Я бы на их месте сам уехал, без всякого приговора, – сказал я. – Не обязательно на край Мира, а... – да хоть в тот же Уриуланд. Малдо рассказывал, колдовать там гораздо труднее, чем в Ехо, но кое-что вполне получается. А он был совсем неопытным новичком. Умелым колдунам, наверное, еще проще. И самые строгие запреты старого Кодекса касались только территории Угуланда. Да и нас там в любом случае нет. В смысле столичного Тайного Сыска. Чем не жизнь.

– Джуффин в начале Эпохи Кодекса то же самое всем советовал. Но мало кто его послушал. Для уроженца столицы, да еще и бывшего Орденского колдуна отъезд в провинцию – настоящая драма. Изгнание считали куда худшим злом, чем заключение в Холоми, а уж добровольно уехать решались единицы. На самом деле я могу это понять. Таков наш столичный снобизм: или ты живешь в столице Соединенного Королевства, или вообще непонятно, зачем родился на

свет.

- Но магия же важнее! - упрямо сказал я.

- Это ты так думаешь. И правильно делаешь. Но для большинства колдунов старой школы важнее всего была не сама магия, а возможность покрасоваться на ее фоне. А то с чего бы у нас начались Смутные Времена. Не от скуки же, в самом деле.

- «От скуки» - это единственная причина, которую я худо-бедно смог бы понять.

Трикки, некоторое время слушавший нас с постепенно угасающим интересом, решил вернуть разговор к первоначальной теме.

- В общем, не нравятся мне все эти происшествия, - сказал он. - Но расследовать их своими силами не возьмусь. Для этого я недостаточно компетентен. Даже обосновать необходимость дополнительного расследования толком не сумею. Формально-то придраться не к чему, разве только контрабандистов за нелегальный провоз ядовитого зайца наказать - при условии, что мои ребята их вообще хоть когда-нибудь найдут; это, сами знаете, скорее вопрос везения, чем усердия... И вас официально просить о помощи не могу, нет у меня достаточно веских аргументов. Поэтому считайте, я просто частным порядком обратился в Тайный Сыск с жалобой на тревожные мысли и тягостные предчувствия. К вам, говорят, и с таким иногда приходят.

- Случается, - подтвердил сэр Кофа. - Можешь спать спокойно: теперь твои тревожные мысли будут допекать меня. И хотел бы выбросить их из головы, да не выйдет.

- Значит, на мою долю остались тягостные предчувствия, - вздохнул я. - Ладно, мне не привыкать. Подумаешь, парой-тройкой тягостных предчувствий больше. Переживу.

- Извините, - развел руками Трикки. - Но не мог же я промолчать.

- Еще как мог, - сказал ему Кофа. - Но не имел права. В твоей должностной инструкции черным по белому написано: руководство Городской Полиции

обязано информировать Тайный Сыск обо всех подозрительных происшествиях, выходящих за пределы понимания. Я точно помню, сам ее когда-то для твоего начальника писал. Ему не помогло, зато тебе теперь пригодится.

– Слушайте, – сказал я Кофе, когда мы покинули кабинет Трикки и отправились на свою территорию. В смысле в трактир «Обжора Бунба», который все Тайные сыщики считают чем-то вроде дополнительного зала Общей Работы и используют соответственно. – Вы же совсем недавно рассказывали мне про Лотерею Смерти. А как это выглядело на практике? Я имею в виду, как умирали приговоренные ведьмами люди? Каким-то особенным образом? Ну там, например, голова взрывалась или в сердце невесть откуда появлялся остро заточенный кол?..

Кофа отрицательно помотал головой.

– Ничего такого не было. Я понял, к чему ты ведешь. Да, это обычно походило на несчастные случаи. Или на внезапную болезнь. Если бы имя жертвы не объявляли заранее, никому бы и в голову не пришло заподозрить намеренное убийство.

– Ничего себе совпадение, – присвистнул я. – Интересно, Базилио уже успела выучить все, что нужно для вступительных экзаменов? Потому что ее учительница...

– Не говори ерунду, сэр Макс, – отмахнулся Кофа. – Леди Тайяра никогда никого не убивала, а только высчитывала формулы, позволяющие выбрать правильный ритм чтения смертельного заклинания. У тебя, конечно, светлая голова, но ее часто подводит оптимистическая готовность работать с тем малым количеством информации, которым ты в данный момент располагаешь. Рассказал я тебе недавно про леди Тайяру Ката и Лотерею Смерти – все ясно, значит, это она.

– Я не говорю, что все ясно. Но если сходство с Лотереей Смерти есть, значит, имеет смысл разузнать, чем сейчас занимается леди Тайяра в свободное от уроков время. И с кем водит дружбу. Может, старые подружки объявились? Или, напротив, какой-нибудь юный гений. Почему нет?

– Потому что... – начал было Кофа, но умолк и неохотно согласился: – На самом деле разузнать действительно не помешает. Но это я сделаю сам. А ты, пожалуйста...

– Что нужно сделать? – встрепнулся я, заранее приготовившись совершить столько немислимых подвигов, сколько понадобится. Потому не так уж часто сэр Кофа Йох просит меня о помощи. Практически никогда.

– В идеале ничего, – усмехнулся Кофа. – В смысле не трогай пока леди Тайяру. Одно из двух: или она ни в чем не повинна и нет смысла ее беспокоить, или она действительно ввязалась в скверную историю, и тогда важно не испугнуть ее раньше времени.

– Это справедливо, – вздохнул я. – Но знали бы вы, как я теперь жалею, что до сих пор не выбрал времени пригласить ее на ужин и разобраться, что она за человек.

– Ну и разбирайся на здоровье, кто тебе не дает, – пожал плечами Кофа.

– Так вы же сами сказали, чтобы я ее не трогал.

– Я имел в виду, что тебе не следует со скандалом увольнять леди Тайяру и тут же волочь ее на допрос. А ужин – совсем другое дело. В некотором смысле, это просто долг вежливости: все родители и опекуны учеников время от времени приглашают учителей в какой-нибудь приличный трактир, чтобы поговорить об успехах, проблемах и, конечно, о погоде. В первую очередь о погоде. Если ты не готов обсуждать погоду, ужин лучше вообще не затевать.

– Ну что вы. Такая благодатная тема.

– Только имей в виду, у нас, в Ехо, принято быть недовольным погодой, какой бы хорошей она на самом деле ни была. Хвалят погоду исключительно недавно перебравшиеся в столицу провинциалы. Это дурной тон.

– Но я и есть недавно перебравшийся в столицу провинциал. Полудикий варвар из Пустых Земель, отставной царек кочевого племени, неужели вы забыли эту прекрасную легенду? Теперь она мне только на руку: лето в этом году

совершенно идеальное. Солнечных и пасмурных дней почти поровну, дожди исправно идут по утрам, когда я сплю, а закаты дают такие, словно на небесах принимают экзамены у выпускников Тарунских художественных мастерских. Мне просто не к чему придаться.

– Все-таки отсутствие хорошего воспитания не скроешь, как ни старайся, – усмехнулся сэр Кофа. – Если однажды меня по какому-нибудь роковому недоразумению пригласят в приличное общество, я тебя с собой не возьму. Опозоришь, я и моргнуть не успею.

– Еще как опозорю, – подтвердил я. – Будьте уверены. К Нумбанскому пророку можно не ходить.

* * *

Поскольку приглашения в приличное общество от Кофы хрен дождешься, позор мне пришлось организовывать собственными силами. Отменять заранее назначенные встречи, забирать назад данные обещания, многословно извиняться перед пострадавшими, сулить им взамен бесконечное счастье человеческого общения со мной в любое удобное им время, а еще договариваться с хозяином недавно открывшегося на Удивительной улице и сразу вошедшего в моду трактира «Радость Хлеви Макката[13 - В море, между материками Хонхона и Уандук, существует остров под названием Земля Скорбного Хлеви Макката. Вероятно давая название своему трактиру, его владелец имел в виду, что его еда и обстановка способны обрадовать даже скорбящего. До известной степени это действительно так.]» об отдельном столе на двоих. Вообще-то места там сейчас заказывают заранее, причем не накануне визита, а чуть ли не за полдюжины дней, но мне, конечно, проще, чем большинству желающих. Все-таки двадцать какое-то место в списке самых опасных людей в столице Соединенного Королевства, не менкал чихнул.

Иногда моя сомнительная слава приносит практическую пользу. Вот и сейчас хозяин «Радости Хлеви Макката» твердо пообещал, что сможет принять меня и мою гостью за три часа до полуночи. На такую удачу я не особо надеялся: в это время почти во всех столичных трактирах аншлаг, а уж что творится в модных заведениях, страшно вообразить.

Леди Тайяру приглашение на ужин не насторожило и даже не удивило. Но и не особо обрадовало. Надо – значит надо, – было написано на ее лице. И название новомодного трактира не произвело на учительницу никакого впечатления. Только и сказала: «Всегда почему-то была уверена, что в честь Хлеви Макката назван остров, а оказалось, всего лишь трактир», – рассеянно выслушала мои объяснения насчет скорби и радости, равнодушно кивнула: «Вот оно как. Ну, хорошо. Я рада за Хлеви».

Бесстрастное выражение снисходительно покорившегося обстоятельствам стойка не покидало ее лица, пока мы ехали через Старый Город. Вообще-то я привык, что люди, впервые оказавшиеся в моем амобилере в качестве пассажиров, довольно бурно реагируют на мою манеру езды. Одни восхищаются слишком большой по здешним меркам скоростью, другие откровенно пугаются, третьи делают вид, что им все нипочем, но их выдают плотно сжатые губы и побелевшие костяшки намертво вцепившихся в сидение пальцев. И мне это, конечно, нравится.

Я вообще люблю выпендриваться, тут ничего не поделаешь. Всякий человек выдает себя с большим набором разнообразных, зачастую противоречивых свойств, и нельзя взять только наиболее привлекательную часть, отказавшись от всего остального. Поэтому я, что со мной ни делай, до конца своих дней буду стараться пустить как можно больше сверкающей пыли в широко распахнутые глаза окружающих, хотя бы они того или нет.

Однако леди Тайяра Ката оказалась совершенно невосприимчива к моей пыли, так уж мне с ней не повезло.

Не повезло, впрочем, не только мне, но и Удивительной улице, застроенной шедеврами наших Новых Древних архитекторов. На этот уникальный архитектурный ансамбль, в одночасье сделавший пустынный заброшенный географический центр Ехо самым модным районом города, ежедневно съезжаются поглазеть не только столичные жители и любопытствующие провинциалы, но и ценители искусств из других стран. Некоторые по несколько дюжин дней на корабле болтаться готовы ради феерического зрелища, а леди Тайяра бровью не повела. Даже на дом нашего сэра Мелифаро, представляющий собой что-то вроде гигантской пространственной головоломки, собранной из разноцветных кубиков неправильной формы, посмотрела без особого интереса.

– А куда мы приехали? – флегматично осведомилась она после того, как я припарковал амобилер неподалеку от «Радости». – Мне кажется, я никогда прежде тут не была.

– Это центр Ехо, – объяснил я. – Пространство между Старым и Новым городом.

– Правда? Надо же, а мне показалось, мы совсем недолго ехали. И довольно медленно, да?.. Извините, иногда я бываю несколько рассеяна, – поспешно добавила леди Тайяра, увидев, как я переменялся в лице от столь возмутительной клеветы. – Это не должно вас обижать. А как называется улица?

– Удивительная улица. Не далее как минувшей осенью ее выкупили и целиком застроили Новые Древние Архитекторы. Вы наверняка читали об этом в газетах.

– В газетах? – нахмурилась она. – А-а, погодите, вспомнила! Вы имеете в виду большие аккуратно сложенные листы очень тонкой дешевой бумаги, на которых пишут... в общем, что-то пишут. И рисуют. И потом продают на центральных улицах, да?

– Совершенно верно, – кивнул я, изо всех сил стараясь сохранять хоть какое-то подобие невозмутимости. Потому что встретить жительницу столицы Соединенного Королевства, которая ни разу в жизни не держала в руках газету, чудо покруче внезапного низвержения в Хумгат, остановки Мира, прогулки по Мосту Времени, пробуждения Духа Холоми, прибытия корабля, битком набитого белокуроыми арварохскими воинами в гремящих доспехах, насморка у сэра Джуффина Халли и вообще всего, что я успел повидать на своем веку.

– Мне давно следовало ознакомиться с этим любопытным новомодным явлением, – сказала леди Тайяра. – Но до сих пор как-то руки не дошли.

После столь обезоруживающего признания я начал прикидывать, не придется ли мне объяснять этой чудесной женщине, что еду следует класть в рот, предварительно разделив на небольшие части. Но нет, обошлось. Столовыми приборами она орудовала со столь непринужденным изяществом, что я немедленно почувствовал себя тем самым варваром из Пустых Земель, за которого меня столько лет успешно выдавали. Что на самом деле удивительно, я даже для варвара чересчур неуклюж, – думал я, зачарованно уставившись на

руки леди Тайяры, творившие с ножами и вилками настоящие чудеса, пока их хозяйка думала о чем-то своем, все с тем же отрешенным выражением лица, которое демонстрировала мне весь вечер.

– У меня есть предложение, – внезапно сказала она. – Давайте будем считать, что мы уже поговорили о погоде, возможном скачке цен на ташерские пряности в связи с неурожаем букиви, новом репертуаре Екки Балбалао и о чем там еще положено говорить. Все равно в этих вопросах я совершенно не разбираюсь и ничего интересного вам не скажу. Лучше сразу перейти к делу.

– Я и сам не особо разбираюсь в этих вопросах, – кивнул я. – Кроме погоды, но мне как раз недавно объяснили, что хвалить ее – дурной тон, а ругать погоду я пока не выучился. Зато про букиви я даже не знал, что оно растение. Хотя однажды случайно принял участие в ограблении ташерского корабля, который это самое букиви перевозил [14 - Речь о давних событиях, описанных в повести «Сладкие грезы Гравви»]. Но этот приятный эпизод не помог мне постичь растительную природу драгоценного груза. Я почему-то был совершенно уверен, что букиви добывают из горной породы, как какой-нибудь минерал. Что же касается Екки Балбалао, о нем мне известно только, что в конце зимы его чуть не похитили поклонницы из Леопоньи. Но, хвала Магистрам, обошлось.

– Вы это серьезно? – изумленно спросила леди Тайяра. – Про Екки Балбалао? И про ограбление корабля?

– Совершенно серьезно, – кивнул я. – Хотя, положив руку на сердце, ташерцев я лично не грабил, а терпеливо ждал, когда эта скукотища закончится, и можно будет плыть дальше. Но важно сейчас не это, а то, что мы с вами уже благополучно обсудили все обязательные темы. И теперь можем с чистой совестью приступать к более интересным вещам.

Леди Тайяра посмотрела на меня, словно впервые увидела. И вдруг расхохоталась, да так громко, что взоры всех собравшихся приобщиться радостей скорбного Хлеви Макката гурманов невольно обратились к нам. Но на это ей явно было плевать.

– Слушайте, – отсмеявшись, сказала она, – да вы, оказывается, отличный собеседник! Напомните, пожалуйста, кто вы? В смысле как вас зовут?

А я-то считал себя такой одиозной фигурой. Раз увидишь, всю жизнь будешь вспоминать. И внукам рассказывать, с каким великим человеком однажды свела судьба.

Так мне и надо.

– Макс, – сказал я. И повторил: – Сэр Макс, к вашим услугам.

Ее это совершенно не впечатлило. Можно подумать, в столице Соединенного Королевства каждого второго так зовут.

– Не возражаете, если я не стану добавлять, что вижу вас как наяву? – спросил я. – Просто мы с вами уже однажды знакомились. И не то чтобы очень давно. Если не верите, у меня есть свидетельница.

– Не сердчайте, – улыбнулась леди Тайяра. – Я помню, что мы были представлены, просто у меня скверная память на имена. Заранее предупреждаю: я потом наверняка снова забуду, как вас зовут. И еще не раз переспрошу.

Я внезапно исполнился великодушия. Видимо, от растерянности.

– Ничего страшного. На самом деле у меня самого с именами тоже не очень складывается. Знакомых еще худо-бедно запоминаю, зато с авторами книг и заклинаний просто беда. Иногда хочется щегольнуть красивой формулировкой, а вместо этого блеешь беспомощно: «Заклинание бахана... бахага...»

– Заклинание Бахамгаму[15 - Заклинание Бахамгаму действует на жертву таким образом: человек переживает ощущения, которые, как ему кажется, должен испытывать умирающий. «Как кажется» – это ключевой момент. Поскольку люди, как правило, боятся смерти и позволяют своему воображению рисовать чудовищные картины умирания, многие под воздействием заклинания Бахамгаму проходят через настоящий кошмар; наиболее впечатлительные сходят с ума.]]? Вы его имели в виду? – внезапно нахмурилась моя собеседница. – По-моему, редкостная пакость. Не люблю лезть с непрошеными советами, но, поверьте моему опыту, не стоит его применять.

– Не буду, – пообещал я. – Мне его и разучивать-то лень. Ужасно громоздкое. И, в сущности, глупое. Люди обычно и так боятся смерти, зачем их дополнительно ею пугать?

Леди Тайяра удовлетворенно кивнула, словно мы только что достигли согласия по самому важному жизненному вопросу. Предложила:

– Давайте поговорим о Базилио. Вы же за этим меня пригласили? Она очень умная и способная девочка. У нее удивительно светлая голова. Пожалуй, даже лучше, чем была у меня самой в ее возрасте.

Это, конечно, бесспорно. Хотя бы потому, что Базилио еще нет и года. Есть только один способ стать выдающимся мыслителем в столь нежном возрасте: не рождаться человеческим младенцем, а внезапно возникнуть из небытия более-менее сложившейся личностью. Но этого я говорить не стал. И не потому, что не хотел шокировать учительницу, это я бы как раз с удовольствием. Просто не хотел обесценивать достоинства Базилио. Она даже для шестидесятилетней[16 - То есть пятнадцати-шестнадцатилетней, если переводить в привычную читателям систему координат.] девицы, какой выглядит, редкостная умница.

– Буду с вами откровенна, – продолжила леди Тайяра. – В моих интересах продолжать заниматься с Базилио. Меня более чем устраивает оплата и радует общение с ученицей; последнее в моей практике случается не так часто, как хотелось бы. Но если вы стеснены в средствах, имейте в виду, продолжать оплачивать мои услуги не обязательно. Подготовить девочку к поступлению в Королевский Университет сможет любой обычный педагог, знающий программу. А это примерно в четыре раза дешевле. Было бы нечестно утаивать от вас эту информацию.

Вообще-то об огромном жаловании Тайных Сыщиков в столице ходят легенды. И это тот редкий случай, когда они почти не врут. Но в словах леди Тайяры не было и тени сарказма, только самоотверженная готовность пожертвовать своими насущными интересами ради сохранности моего предположительно тощего кошелька.

– Большое спасибо, – вежливо поблагодарил я. – Все в порядке, я не очень стеснен в средствах. Мне кажется, Базилио нравится с вами заниматься, поэтому я бы предпочел оставить все как есть.

– Очень хорошо, – кивнула она. – Мне было бы жаль потерять такую блестящую ученицу. Поначалу я даже растерялась, когда обнаружила, что с ней мне не нужно высчитывать и неукоснительно соблюдать индивидуальный ритм объяснений, достаточно просто связно излагать какие-то базовые вещи, остальное она схватывает сама.

– Индивидуальный ритм объяснений? – переспросил я. – Что за ритм такой?

Я еще договорить не успел, как вдруг понял, о чем речь. Со мной так часто бывает: обрывки краем уха услышанной информации вдруг складываются в ясную картину. Довольно полезная особенность мышления; жаль только, что случаются такие озарения не по заказу, а когда сами пожелают. Сиди потом как дурак и гадай, как много важных вещей до тебя так и не дошло.

– То есть обычно вы высчитываете индивидуальный ритм объяснений для каждого ученика? – спросил я. – Как раньше высчитывали особый ритм чтения заклинаний для Лотереи Смерти? Только сейчас у вас цель не убить, а научить?

Выпалил все это и тут же проклял себя всеми мыслимыми проклятиями. Ну то есть не всего себя целиком, а только свой бестолковый длинный язык, не желающий оставаться за зубами, сколько его об этом ни умоляй. Ведь давал же себе честное слово не упоминать в разговоре об этой грешной лотерее, даже не намекать. И даже наивно верил, что у меня получится. Все как всегда.

Но леди Тайяра и бровью не повела. Упоминание о Лотерее Смерти совершенно ее не смутило.

– Верно, – подтвердила она. – Забавно, кстати, что подбирать эффективные обучающие ритмы оказалось гораздо трудней, чем убийственные.

– Вероятно, – мрачно сказал я, – из этого вашего наблюдения следует печальный вывод: большинству людей проще внутренне согласиться с необходимостью умереть, чем с новыми знаниями.

– Надо же, вы ловите на лету! – обрадовалась леди Тайяра. – Обычно родители учеников не понимают, в чем суть моего метода, сколько ни объясняй. Смотрят подозрительно, явно гадают, не шарлатанка ли я. И даже блестящие результаты их далеко не всегда успокаивают. Не то чтобы меня это всерьез печалило, но

встретить понимающего собеседника – приятный сюрприз. Так вы, получается, знаете, кто я?

– Только в самых общих чертах, – осторожно сказал я. – Орден Посоха в Песке, Орден Решеток и Зеркал, трактат «Дробные степени силы»...

– Вот очень жаль, что вы знаете меня именно с этой стороны! – воскликнула леди Тайяра.

Лицо ее обрело столь страдальческое выражение, что я принялся заново проклинать свой болтливый язык. Зачем было упоминать эти дурацкие Ордена?..

– «Дробные степени силы» – мой несмываемый позор, – призналась леди Тайяра. – В основе этой работы лежит чудовищная, до смешного нелепая ошибка, причем даже не математическая, просто логическая. Настолько очевидная, что я теперь не понимаю, как могла ее совершить. И куда смотрел ученый совет Королевского Университета, принимая решение о публикации трактата? Впрочем, глупо перекладывать ответственность на других людей, которые если чем и провинились, то всего лишь недостаточно критичным отношением к так называемым авторитетам.

Я не стал признаваться, что не читал этот грешный трактат, а если бы и читал, то в лучшем случае порадовался бы наличию в нем знакомых букв и знаков препинания. Когда правда подозрительно похожа на неумелое утешение, лучше оставить ее при себе.

– В то время я считала главным делом своей жизни магию, а не науку, поэтому легко пережила провал, – сказала леди Тайяра. – Даже не предприняла никаких усилий, чтобы уничтожить все экземпляры трактата, хотя теоретически могла бы это организовать. Влиятельных друзей, готовых помочь в любом затруднении, у меня тогда хватало. Но я не стала суетиться. Думала, все равно этот нелепый трактат скоро забудут. Однако прошло почти триста лет, а я до сих пор постоянно встречаю людей, которые помнят меня именно как автора «Дробных степени силы». Причем большинство наивно считают мою работу остроумной, парадоксальной и даже «блестящей». Ох, как стыдно! Я чувствую себя настоящей шарлатанкой на фоне молодых ученых коллег.

– Так вы поэтому не вернулись в Королевский Университет? – спросил я.

Но леди Тайяра неожиданно улыбнулась и отрицательно помотала головой.

– Конечно, нет! Если бы мне вдруг понадобилась университетская кафедра, я бы ее, будьте покойны, получила. Но мой метод обучения пока годится только для индивидуальных уроков. А для меня сейчас нет ничего важнее. Вы только вдумайтесь: оказывается, тупых, неспособных к обучению людей не бывает. Если человек плохо усваивает знания, это означает, что его внутренний ритм требует иного изложения материала. Причем речь даже не о способах раскрытия темы и не о количестве отведенных для учебы часов, а всего лишь о темпе и ритме речи преподавателя. И, кстати, о правильно выбранном времени занятий. У меня есть один ученик, с которым зимой приходилось заниматься после полуночи, а летом, наоборот, рано утром и только в ветреные дни. Его выгнали за неуспеваемость из полутора дюжин школ, даже считать на пальцах толком не научив, а оказалось, у мальчика отличная голова – когда рядом находится человек, способный ее включить.

– Ничего себе! – воскликнул я. – То есть кого угодно можно научить чему угодно? Но только при условии, что учительницей будете вы? С другими преподавателями у ваших подопечных, как я понимаю, нет шансов?

Леди Тайяра укоризненно покачала головой.

– Ну что вы. Тогда в моем репетиторстве не было бы смысла. Подготовить человека к вступительным экзаменам в Университет, чтобы он вылетел оттуда после первого же семестра? И толку? Брать за это деньги – все равно что их красть. Нет, в том и состоит ценность моего метода, что в процессе обучения я постепенно расширяю возможности ученика, перестраивая его внутренний ритм до более-менее универсального. И после определенного числа уроков – кому-то достаточно дюжины, с другими приходится заниматься годами – мои ученики обретают способность эффективно усваивать знания в обычном режиме. Это, как вы понимаете, не только школьной и университетской программы касается. Вся наша жизнь бесконечный процесс обучения. И, будем честны, для каждого из нас существуют области, в которых учеба дается очень нелегко.

– Да не то слово! – с чувством подтвердил я.

– Так вот, – торжествующе заключила леди Тайяра, – хорошая новость заключается в том, что это преодолимо. Даже меня можно научить... ну, скажем,

управлять амобилером и варить суп. Теоретически. На практике пока некому.

– Слушайте, так получается, вы изобрели лекарство от тупости? Даже не знаю, что может быть полезней для человечества. Как его часть, я заранее ликую. Скоро вокруг не останется ни одного безнадежного дурака. Только бы дожить до этого прекрасного дня!

– Надеюсь, что так и есть, – серьезно сказала леди Тайяра. – Если все получится, как я задумала, через несколько сотен лет в Мире станет гораздо больше приятных собеседников. А что еще нужно, чтобы спокойно встретить старость? Но пока об этом рано говорить. Я создала свой метод совсем недавно, и двадцати лет не прошло. Теперь мне нужна практика. Еще хотя бы дюжина лет разнообразной практики, после этого можно будет обнародовать мою методику для подготовки других учителей. Но знаете, положив руку на сердце, я уже сейчас не сомневаюсь в успехе. У меня определенно получается, метод работает, расчеты неизменно оказываются верны. И это не спишешь на простую удачу. И на мой талант педагога тоже не спишешь, потому что на самом деле я более чем посредственный педагог – я имею в виду, если учить по старинке, не прибегая к моему методу. Это я знаю точно, потому что и раньше, путешествуя по Миру, иногда зарабатывала уроками. Вернее, пыталась ими зарабатывать, ничего путного из этого не выходило. Мне не хватало терпения и умения объясняться простыми словами. Только с очень умными и талантливыми детьми вроде вашей Базилио как-то могла поладить. Но они бы и без меня легко обошлись.

– Так получается, занятия с Базилио для вас бесполезны? – спросил я. – В смысле для развития вашего метода. Если она и без специального ритма все понимает...

– Зато занятия с ней приносят мне радость, – улыбнулась леди Тайяра. – Это тоже ценно. Я люблю умных людей, а она на редкость умна. И, мне кажется, довольно одинока, как все слишком умные дети. Иногда я практически узнаю в ней себя. Те же парадоксальные идеи, внезапные озарения, железобетонная логика и странные шутки с совершенно серьезным лицом, явно рассчитанные на то, чтобы не насмешить, а шокировать собеседника.

– Странные шутки? – удивился я. – Это какие же?

Я не стал говорить, что от Базилио и обычных-то шуток не дождешься. Я уже давно понял, что людей, которых считаешь близкими, обычно знаешь гораздо хуже, чем всех остальных. А Базилио даже не близкий человек, а близкая овеществленная иллюзия, существо зыбкое, переменчивое и загадочное. Магистры ее знают, как она ведет себя с другими людьми.

– Вообще-то, я не считаю правильным обсуждать поведение своих учеников с их родственниками, – нахмурилась леди Тайяра. – Но ничего не поделаешь, уже проговорилась. С другой стороны, возможно, вам полезно будет узнать о проблемах Базилио. Только, пожалуйста, не пересказывайте ей мои слова.

– Ни в коем случае. Даже не намекну.

– Базилио зачем-то постоянно называет себя чудовищем, – понизив голос, сообщила леди Тайяра. – Для такой красивой девочки довольно странная идея, согласитесь. Насколько я знаю подростков, обычно подобные абсурдные шутки свидетельствуют о недостатке внимания и невозможности найти понимание у близких.

– Насчет подростков вам виднее, – согласился я. – Но в случае Базилио это свидетельствует только о том, что она с вами достаточно откровенна.

– Что вы имеете в виду?

– Что Базилио и есть самое настоящее чудовище. Результат неосторожного колдовства. Строго говоря, просто овеществленная иллюзия, по счастливому стечению обстоятельств оказавшаяся долговечной. Мне в свое время даже специальную лицензию на ее содержание в доме пришлось получать. Видели бы вы, как она в ту пору выглядела! Рыбье туловище на человеческих ногах, голова индюка, еще и лисий хвост в придачу. Я довольно легко с ней поладил, но только потому, что большую часть жизни страдал от ночных кошмаров и с тех пор легко прощаю ближним любые недостатки внешности, при условии, что они не пытаются меня съесть. Однако потом нам удалось придать чудовищу человеческий облик, и ее жизнь более-менее наладилась. Базилио с самого начала очень хотела стать человеком. В смысле выглядеть, как человек. И она совершенно права, в таком виде жить среди нас действительно гораздо удобней.

– Но это нево... – начала было леди Тайяра.

– Ну вы же ученый, – сказал я. – И к тому же колдунья. А значит должны понимать, что «невозможным» называют все, выходящее за рамки коллективного опыта. При том что значение для каждого из нас имеет только индивидуальный. И уж его-то границы расширяются практически ежедневно, по крайней мере, если правильно организовать свою жизнь.

– Наверное, вы правы, – растерянно согласилась она. – Но все-таки чудовище с головой индюка – это как-то чересчур. Хотя, похоже, вы меня не обманываете. Обычно я чувствую, когда мне лгут.

Ничего удивительного, вранье даже я обычно чувствую. Не потому что как-то специально этому учился, просто обостренная чувствительность, похоже, почти неизбежный этап развития всякого мага. В какой-то момент это с тобой случается, и делай, что хочешь. Довольно противное на самом деле ощущение, похожее на тяжесть во лбу. Плюс утрата некоторых приятных иллюзий; впрочем, к этому мне как раз не привыкать.

– Было бы о чем врать, – сказал я. – История-то вполне общеизвестная. Правда, газеты, которых вы все равно не читаете, о ней не писали, спасибо моим друзьям, вовремя успевшим наложить на эту тему полный запрет. Но огласку история о чудовище, живущем в Мохнatom Дoма, все равно получила. В этом городе всегда умели узнавать новости без помощи журналистов. А сплетничать никому не запретишь.

– Расскажите мне, как это получилось, – попросила леди Тайяра. – Лучше узнать из первых рук, чем собирать сплетни. А я теперь не успокоюсь, пока все не выясню. Вышло так, что я почти ничего не знаю об овецествлении иллюзий. Никогда не занималась подобными практиками, только краем уха слышала, что они есть. И теперь умираю от любопытства, научного и... в общем, не только научного. Обычного человеческого, каюсь. Но сделать с собой ничего не могу.

Ничего лучше она и выдумать не могла. Всякий, кто просит меня рассказать какую-нибудь историю, а потом слушает, открыв рот, навсегда получает ключ от моего сердца. Я люблю рассказывать. И, мне кажется, умею это делать. Чего я не умею, так это вовремя останавливаться, поэтому вместо одной истории слушатель обычно получает полторы дюжины. И что я действительно ценю в

своих жертвах, так это неослабевающий интерес.

В этом смысле леди Тайяра оказалась настоящим совершенством. Интерес, с которым она слушала мою болтовню, походил на настоящую страсть. Впрочем, он и был хорошо знакомой мне разновидности страсти – к познанию, которое безгранично, а человек, будь он хоть четырежды могущественный колдун, способный продлить свою жизнь на тысячелетия, на его фоне обескураживающе мал. Но все равно стремится вместить в себя бесконечное разнообразие Мира – упихнуть, утрамбовать и тут же потребовать добавки. И эта ненасытность кажется мне самым прекрасным, что в нас, людях, есть.

«Радость Хлеви Макката» мы с леди Тайярой покинули не просто последними, а уже после того, как отчаявшиеся дожидаться нашего ухода слуги вымыли все столы и подмели пол; впрочем, их возня не побудила нас подняться и уйти. Не то чтобы я с неуважением относился к их праву закончить работу хотя бы через два часа после полуночи, если уж раньше не вышло. Просто когда я увлеченно вещаю, ничего вокруг себя не вижу. А о существовании времени вообще забываю напрочь. Какое может быть время? Кто такую нелепую ерунду придумал? Зачем нам оно?

Что касается леди Тайяры, она забыла не только о времени, но даже о еде и вине. Отчасти это спасло ситуацию: когда трактирщик понял, что мы вполне способны просидеть до утра, он вежливо предложил закупорить нашу бутылку, чтобы мы могли забрать ее с собой. Его вмешательство в разговор вернуло меня на землю – ровно настолько, чтобы осведомиться, который час. Ответ привел меня в чувство окончательно и бесповоротно. Надо же, был уверен, мы хорошо если часа полтора тут просидели. А оказалось, пять.

Поэтому про Красную Пустыню Хмиро, легендарный призрачный город Черхавлу, Источник Боли и полет над Великим Средиземным Морем на пузыре Буурахри я вещал уже в амобилере. Даже ехал по такому случаю совсем медленно, чтобы успеть довести историю до более-менее логического конца. Успел, причем был на удивление точен. Сказал: «А Пузырь Буурахри мы передали полиции для патрулирования города, сами небось каждый день их в небе видите», – и остановился возле небольшого двухэтажного дома на улице Злобных Замков. Высокий класс.

- Это же ваш дом? - спросил я.

Некоторое время леди Тайяра оглядывалась по сторонам с таким характерным выражением «откуда мы пришли? кто мы? куда мы идем?» - которое я регулярно вижу в зеркале по утрам, но наконец кивнула:

- Зеленый - значит мой. Он тут такой один.

Однако покидать аомбилер она не спешила. Сидела, молчала, собиралась с мыслями. Наконец сказала:

- Я вам очень благодарна. И даже не столько за прекрасно проведенный вечер, сколько за... Не знаю, как сформулировать, но у меня такое ощущение, что вы подарили мне целый Мир.

- Ну что вы, - растерялся я. - Какой там Мир. Всего лишь несколько историй.

- До сих пор я и вообразить не могла, что чужая жизнь может быть настолько интересной, - объяснила леди Тайяра. - Я думала, все самое важное происходит со мной, точнее, в моей голове, остальное - пустяки, незначительная суета, посторонний шум, не заслуживающий внимания. И вдруг оказалось, что с каждым незнакомцем... ладно, предположим, не с каждым, но с некоторыми людьми могут происходить совершенно невероятные вещи! А некоторые события и поступки могут быть не менее важны, чем идеи. А душевные и чувственные переживания исполнены такого же, если не большего смысла, чем работа мысли. И это... Понимаете, для меня это все меняет. Абсолютно все.

- Пожалуй, понимаю, - сказал я.

И даже не то чтобы соврал.

Я никогда не был великим знатоком человеческих душ. Фраза «сэр Макс прекрасно разбирается в людях» одно время была любимой шуткой моих коллег, и перестала звучать при каждом удобном случае только потому что всем надоела. А актуальности она, боюсь, до сих пор не утратила.

Но сейчас я, пожалуй, действительно понял леди Тайяру – всю, целиком. Разрозненные сведения о ее жизни, почерпнутые из рассказа сэра Кофы, как-то сразу встали на места, сложились в единую, непротиворечивую картину. Ясно теперь, почему она так легко бросила семью и карьеру ради поступления в магический Орден, а потом и этот Орден ради другого, не факт что «лучшего», просто нового, а значит, гораздо более интересного. И с каким невинным энтузиазмом помогала коллегам проводить Лотерею Смерти, радуясь возможности проверить на практике свои идеи про индивидуальный внутренний ритм. Нормальный подход для того, кто ощущает настоящей реальностью напряженную работу собственного ума, а все остальное многообразие жизни – всего лишь невнятной пляской неведомо чьих теней.

Удивительно, конечно, бывают устроены некоторые люди. Но еще удивительней, что я, сам того не желая, всего за несколько часов болтовни сумел привести эту почти незнакомую женщину к полной смене концепции. То ли я и правда настолько хороший рассказчик, то ли леди Тайяра давным-давно сама от себя устала и была готова ухватиться за любой повод начать новую жизнь. Так тоже бывает, а может быть, вообще только так и бывает – если, конечно, не применять специального колдовства.

Я вроде не применял.

– И все равно я уже снова забыла, как вас зовут, – вдруг заключила леди Тайяра и рассмеялась так звонко, что я невольно посочувствовал спящим за распахнутыми по случаю теплой летней ночи окнами жильцам соседних домов. С другой стороны, смех – далеко не худшее, что можно услышать за окном. Если меня приговорят до конца жизни ежедневно просыпаться от шума на улице, пусть это будет именно смех.

– Да Магистры с ним, с именем, – сказал я. – При следующей встрече напомним. А сейчас не имеет смысла, к утру все равно забудете.

– Ваша правда, – согласилась леди Тайяра. – Имя наверняка забуду. Но все остальное – нет. Такое сокровище эти ваши истории! Буду теперь смотреть по сторонам и думать о каждом прохожем: возможно, у этого человека тоже есть сокровенный клад невероятного опыта. Или даже он сам – клад.

* * *

– Так и сказала, – подтвердил я. – «Возможно, каждый человек – клад». По моему, довольно неожиданный вывод. И совершенно несправедливый. Чудищу из залива Ишма меня скармливали, и по Красной Пустыне Хмиро от наваждений тоже я удирал, а не чужой дядя. И мертвых разбойников ловил сам, своими руками. Но высоко ценить она теперь почему-то будет совершенно посторонних людей, причем всех без разбору. Ты не представляешь, как я этому рад.

– Да почему же, вполне представляю. Твои амбиции слишком велики, чтобы их можно было удовлетворить обычным признанием заслуг. Тебе подавай ежедневные изменения Мира – в твоем вкусе, по твоим лекалам и при твоём деятельном участии. Но радикальное изменение одной отдельно взятой чужой картины мира тоже сойдет. Иногда. Разнообразия ради.

Я не стал спорить с этим утверждением. Во-первых, сэр Шурф Лонли-Локли знает меня лучше, чем я сам, и это не комплимент его проницательности, а просто житейский факт. А во-вторых, грех это – спорить с человеком, который явился к тебе среди ночи специально чтобы отдохнуть от примерно статридцатидвухчасового рабочего дня. Все что можно сделать с таким несчастным – вытащить на крышу, достать из Щели между Мирами кружку чая с ромом, который он любит больше, чем все остальные напитки вместе взятые, и рассказать, что у тебя происходит. Да и то при условии, что твои дела идут более чем неплохо. Жаловаться в такой момент на проблемы это, пожалуй, даже хуже, чем спорить по пустякам.

Впрочем, проблем у меня, хвала Магистрам, действительно не было. По крайней мере, не прямо сейчас.

– Вроде бы ты говорил, Малдо дал тебе ключи от своего Дворца Ста Чудес, – вдруг сказал Шурф, отставив в сторону опустевшую кружку.

– Не ключи, но что-то вроде того. На самом деле он просто лично познакомил меня с замком от служебного входа и рассказал заклинание, которым он отпирается. А что?

– Я же еще ни разу там не был. Не находил времени. А кое-что хотелось бы увидеть собственными глазами. Проведешь меня?

– Вообще не вопрос, – улыбнулся я. – И даже могу побыть кем-то вроде экскурсовода. В смысле пересказывать все, что я успел услышать от автора, не затыкаясь ни на секунду и мешая тебе сосредоточиться на впечатлениях. Но ты любишь преодолевать трудности, так что все в порядке.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил мой друг. – Именно о преодолении такого рода трудностей я всегда мечтал.

Иногда совершенно невозможно понять, говорит он серьезно или просто издевается. На всякий случай, я всегда выбираю второй вариант. Мне так спокойнее.

– Времени у нас достаточно, – добавил сэр Шурф. – Когда во Дворец начинают пускать посетителей?

– Вроде бы через час после рассвета.

– Ладно. Значит, вот столько.

– Ты окончательно отказался от идеи хотя бы изредка спать? – сочувственно спросил я.

– Напротив. Я, можно сказать, заново осваиваю это искусство. И делаю некоторые успехи. В частности, нынче я твердо намерен проснуться после полудня. Благо дела, требующие моего личного присутствия, раньше не начнутся.

Я подумал, что ослышался. И растерянно переспросил:

– Когда?

– После полудня, – невозмутимо повторил сэр Шурф. – И у меня есть серьезные основания рассчитывать, что мои планы не будут нарушены.

Я смотрел на него, натурально распахнув рот. От вопроса: «Ты все-таки подал в отставку, и ее приняли?» – меня удерживало только теоретическое понимание, что некоторых чудес не бывает даже в Сердце Мира. Хоть с утра до ночи в поте

лица колдуй.

– Я уже тебе говорил, теперь у меня очень хороший секретарь, – снисходительно сказал сэр Шурф. – А ты почему-то не верил. Хотя, казалось бы, что в этом необычного? Секретарь это просто профессия. А в Мире есть люди, способные достаточно добросовестно выполнять свою работу. Их не так много, как хотелось бы, но иногда встречаются. По крайней мере, мне наконец повезло.

– Вот прямо настолько хороший секретарь, что ты готов проспать полдня, забив на все? – недоверчиво переспросил я.

– Настолько, что я готов проспать полдня, ни на что, как ты выражаешься, не «забив». Потому что я достаточно опытный человек. И обычно мне удается трезво оценивать возможности своих подчиненных. Я бы даже сказал, трезво их недооценивать. И если я говорю, что мой секретарь может самостоятельно справляться с делами до обеда, это означает, что на самом деле я вполне мог бы бросить его дня на три, а вернувшись, обнаружить, что напрасно торопился. Но это приятное переживание у меня пока впереди.

– Потрясающе, – выдохнул я. – Даже вообразить не могу такое совершенство. Но если ты говоришь, значит, он действительно существует.

– Существует, – подтвердил Шурф. – На самом деле это не так удивительно, как может показаться. За его высокой квалификацией стоит многолетний опыт. Клари Ваджура, бывший Старший Магистр Ордена Семилистника, долгое время был личным секретарем Нуфлина Мони Маха и даже неофициально считался его будущим преемником. Во всяком случае, одно время ходили слухи о соответствующем тайном завещании Нуфлина. Однако, как это часто бывает, любимец внезапно впал в немилость и был вынужден удалиться в изгнание; интересно, впрочем, не это, а то, что он вообще остался жив, с впавшими в немилость Магистр Нуфлин обычно не церемонился. Тем не менее, Клари Ваджура уцелел и, на мое счастье, недавно вернулся в Ехо, чтобы предложить свои услуги осиротевшему, по его мнению, Ордену... Вот, кстати, сразу видно, что ты не застал Смутные Времена! Ты единственный, кто услышав имя моего секретаря, не поинтересовался, не сошел ли я с ума. А леди Сотофа даже не потрудилась сделать интонацию более-менее похожей на вопросительную. Впрочем, своим негласным правом отменять решения Великого Магистра она все-таки не воспользовалась, и на том спасибо.

- То есть у твоего секретаря настолько скверная репутация? - нахмурился я.

- Скажем так, довольно неоднозначная.

- А ты точно не сошел с ума? Извини, я на всякий случай спрашиваю. Ну вдруг ты забегался и не заметил?..

- У меня самого та еще репутация, - пожал плечами сэр Шурфф. - И что с того? Люди меняются. В противном случае было бы непонятно, зачем мы все так подолгу остаемся в живых.

Крыть было нечем. Да и не хотел я ничего ничем крыть. Не то настроение.

- В любом случае передай своему неоднозначному секретарю, что он очень вовремя вернулся в Ехо. И осчастливил этим как минимум одного человека - в моем лице. У меня были грандиозные планы на твой счет, но я понимал, что о них следует забыть лет на тридцать с лишним или на какой там срок ты продал свою душу Ордену Семилистника. А теперь получается...

- Получается, - подтвердил мой друг. - Но с твоего позволения, я не стану передавать твои слова Магистру Клари Ваджуре. Он уже успел послушаться Орденских сплетен и теперь совершенно уверен, будто я одержим демоном. Впрочем, не я один. Руководство Тайного Сыска им тоже одержимо. И даже отчасти Его Величество Гуриг Восьмой. А теперь, будь любезен, угадай, кто этот демон.

- А. Ну да, у меня тоже довольно неоднозначная репутация, - вздохнул я. - Иногда, заешь, даже обидно, что этим ужасным сэром Максом, героем кошмарных городских легенд, лютым демоном, которым вы все одержимы, мне никогда не бывать. Ух я бы тогда развернулся!

- Ничего, - утешил меня сэр Шурфф. - С тем, что есть, тоже вполне можно жить.

Я снова не стал спорить. Какой-то я был удивительно покладистый. Что за день.

* * *

Среди великого множества известных мне дурацких примет – ну, вроде того, что птицы низко летают перед дождем, взявший деньги голыми руками незамедлительно лишается способности влюбляться, упавшая вилка обещает визит незнакомки, а встреченная на улице шумная компания школьников сулит удачу в делах, причем чем громче они орут, тем выше твои шансы – есть одна работающая без сбоев. Если я по каким-то причинам не спал до утра, значит в Доме у Моста обязательно состоится экстренное утреннее совещание. И сообщат мне о нем в тот самый момент, когда моя голова коснется подушки.

Вероятно, сэр Джуффин Халли тоже считает, что руководство Тайного Сыска в его лице одержимо демоном. И нашел верный способ этого демона извести.

Но я пока как-то держусь. И всякий раз мужественно делаю вид, будто ничего страшного не случилось. Так что мы еще посмотрим, кто кого.

Тем более, что в Мире, где добрые древние алхимики, предчувствуя мои грядущие страдания, милосердно изобрели бодрящий бальзам Кахара, быть титаном духа не очень трудно. Если не каждый день.

Столичный Тайный Сыск считается самой зловещей организацией в Соединенном Королевстве. И, положив руку на сердце, не то чтобы совсем зря. Однако, если бы на наши утренние совещания допускали сторонних наблюдателей, от этой репутации не осталось бы и камня на камне. Одного сэра Мелифаро в позолоченных тапочках, с закрытыми глазами сидящего на краю стола, хватило бы. А ведь кроме него были еще заспанная леди Кекки Туотли в цветастом куманском костюме, похожем на пижаму, Нумминорих Кута, прихвативший из дома бутерброд размером с мою голову, и сэр Кофа Йох, по какому-то случаю придавший себе облик пожилой трактирной актрисы, не смывшей с лица вызывающе яркий грим. Все, в общем, хороши.

Несколько сглаживал общее сиротское впечатление только сэр Джуффин Халли, бодрый, умытый, безупречно одетый и явственно довольный происходящим. Не до такой степени чтобы заподозрить приближение скорого конца Мира, но на скромный дворцовый переворот его энтузиазм вполне тянул.

– Все плохо? – деловито спросил я, усаживаясь на подоконник.

– Смотря для кого, – откликнулся сэр Кофа. – Лично я не жалуясь. А скажем, у сэра Тимбути Марияна дела – хуже не бывает. Не далее как минувшей ночью ему на голову рухнул старинный книжный шкаф.

– И что?..

– И все. Там одни только «Хроники всех династий» в девяносто восьми томах, каждый в полпуда весом, а это малая часть его коллекции. И, по моим сведениям, никаких следов применения магии. Что само по себе довольно странно. Желających поквитаться с Тимбути в столице предостаточно, и большинство из них, по моим сведениям, умеет колдовать. Однако убила его безобидная страсть к коллекционированию книг, помноженная на небрежность в выборе мебели. Удивительно порой поворачивается судьба.

– Никаких следов применения магии, – повторил я. – А у нас, тем не менее, почему-то внезапное совещание. Или оно по другому поводу, а сэра Тимбути Марияна вы помянули просто так, чтобы поднять мне настроение?

– Такого намерения у меня не было, – признался Кофа. – Но я рад, если твое настроение действительно поднялось. Потому что беднягу Тимбути все равно не воскресишь, а от тебя нам деваться некуда.

– Так, погодите, – сказал я. – Дошло. Это надо рассматривать не как отдельное событие, а как продолжение? Девятый несчастный случай с начала лета?

– Уже десятый. Девятым стал сэр Уриманди Файя, не далее как вчера утонувший в Хуроне, по мнению полицейских экспертов, по пьяному делу...

– Уриманди Файя? – встрепенулся Мелифаро. – Утонул? «По пьяному делу»?! Не может этого быть.

Он даже глаза открыл, причем оба сразу, а не по очереди, как у него по утрам заведено. У меня, впрочем, тоже.

– А ты с ним знаком? – удивился Кофа.

– Не лично. Просто учился с его дочкой. Анира могла выпить больше всех на курсе, вообще не пьянея. Объясняла, что научилась этому у отца. Он же состоял в Ордене Дырявой Чаши, как и наш сэр Шурф, то есть извините, уже не наш и вообще Великий Магистр, не до завтрака будь помянут. Так вот, чему их всех в этом грешном Ордене учили на совесть, так это двум вещам: не пьянеть и не тонуть.

– Вот именно, – кивнул Кофа. – И со всеми десятью так. Я имею в виду, с каждым случилось несчастье, которое, по идее, именно с этим человеком произойти не могло.

– Кроме укуса арварохского зайца, – вставил я. – От такого ужаса, пожалуй, не убережешься, будь ты хоть величайший колдун всех времен.

– У меня к вам обоим всего один вопрос, – подозрительно ласковым голосом сказал нам с Кофой сэр Джуффин Халли. – Почему я до сих пор не в курсе? Ради какой драной лисьей задницы было скрывать от меня такие интересные происшествия?

– Про лисью задницу это уже второй вопрос, – невинно заметил я. – Мы так не договаривались.

К счастью, шеф не обратил внимания на мою реплику. Я вообще везучий.

– Вы не в курсе, потому что сами просили не отвлекать вас по пустякам, – объяснил Кофа. – А до вчерашнего дня я вовсе не был уверен, что несчастные случаи, о которых нам с Максом рассказал Трикки, заслуживают сколько-нибудь серьезного расследования. Думал, собирал информацию, никаких особо подозрительных фактов за все время так и не выявил и понемногу утвердился в мысли, что мы имеем дело с обычной чередой трагических совпадений. Даже планировал для очистки совести побеседовать с кем-нибудь из знающих астрологов; насколько мне известно, они утверждают, что иногда наступают такие периоды, когда вероятность несчастных случаев резко возрастает, и я намеревался спросить, что творится со звездами этим летом. По-настоящему я встревожился только узнав о гибели Уриманди Файи, который, по идее, не мог ни напиться, ни утонуть. Пока выяснял подробности, беднягу Тимбути Марияна пришиб этот грешный шкаф. Я понял, что тянуть дальше некуда и попросил вас срочно собрать совещание, чтобы ввести в курс дела всех сразу. Хотя по-

прежнему вполне допускаю, что единственным виновником всех этих несчастий может оказаться сама судьба.

– Тем лучше, – усмехнулся Джуффин. – Всю жизнь ждал повода упрятать эту вздорную леди в Холоми.

– Она заслуживает самого сурового наказания, – поддакнул я.

– Скорее уж долгого приятного отдыха от всех нас, – совершенно серьезно возразил шеф. – Это могло бы принести пользу всем сторонам. Я знаю нескольких, скажем так, выдающихся людей с репутацией конченных злодеев, которые, оказавшись в Королевской тюрьме, вынужденно там выпались, спешить-то стало совершенно некуда. И это обстоятельство удивительным образом смягчило их нрав.

Ответом ему стал общий вздох сотрудников, исполненный неподдельной зависти к государственным преступникам. Невозмутимость сохранил только Кофа: ему для хорошего самочувствия достаточно проспать два-три часа в сутки, да и то, как я понимаю, не каждый день. Удивительно удачное устройство организма.

– Мне пока не хватает фактов, – неожиданно сказала Кекки, до сих пор сидевшая так тихо, что я думал, она использует вынужденное бездействие на совещании, чтобы досмотреть какой-нибудь приятный утренний сон. – Кто, с кем, где, когда, что делали, чем кончилось... Впрочем, с последним пунктом уже все ясно. Но с остальными – нет.

– Справедливое требование, – согласился Кофа. – Вот факты. С начала лета, то есть за неполные две дюжины дней в столице умерло уже десять человек. Каждая смерть в отдельности может быть сочтена трагической случайностью, однако в таком количестве они производят довольно странное впечатление. Трикки Лай – и тот насторожился. Притом, что он, в отличие от меня, не знал, что все покойные в прошлом достаточно умелые и опытные колдуны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Харумба – город мертвых в Уандуке. Был основан несколько тысячелетий назад коренными обитателями этого материка – кейифайями. Сами кейифайи живут так долго, что считаются практически бессмертными, но их потомки от смешанных браков смертны. Именно для них была изначально создана Харумба – город, за стенами которого прошедший через специальные ритуалы мертвец может продолжать вести привычное существование. При этом его личность остается неизменной, а телесные ощущения и эмоции похожи на прижизненные. Свободный вход в Харумбу открыт только прямым потомкам хранителей Харумбы – небольшого закрытого сообщества очень старых кейифайев. У остальных людей тоже есть шанс попасть в город мертвых, но он невелик. Два основных условия – личные достоинства и огромные деньги. Высокая плата за вход справедлива: поскольку хранители Харумбы дарят своим подопечным бессмертие, но не могут предоставить им свободу передвижения, они берут на себя обязательства содержать их с максимальным комфортом в течение бесконечно долгого промежутка времени.

2

Подробности этого дела изложены в повести «Обжора-хохотун».

3

Имеются в виду светильники, представляющие собой прозрачные сосуды, в которые помещают особенные светящиеся грибы. Эти грибы начинают светиться, когда их что-то раздражает, так что выключатель приводит в движение специальные щеточки, которые осторожно, но назойливо щекочат шляпки грибов. Те немедленно реагируют – светятся.

4

То есть гнома. Гномы (крёггелы) бывают горные и равнинные. Горные крёггелы уживчивы и чрезвычайно общительны, в чем можно убедиться, посетив княжество Кебла, где живет большинство из них. А вот равнинные обладают весьма сварливым характером, по природе одиночки и крайне редко селятся среди людей. Что, наверное, только к лучшему.

5

Йопс – название рыбы, в изобилии водящейся в прибрежных водах Великого Крайнего моря; в пищу обычно употребляют ее плавники, которые считаются деликатесом.

6

В вашей математике «совершенное число» – это натуральное число, равное сумме всех своих собственных делителей (то есть всех положительных делителей, отличных от самого числа). Подозреваю, что в математике Мира этот термин имеет аналогичное значение, но доподлинно мне это пока неизвестно.

7

Об этом (и многом другом) сэр Кофа Йох рассказывает в повести «Горе господина Гро».

8

Речь о событиях, описанных в повести «Магахонские лисы».

9

Речь об Ордене Водяной Вороны, наводившем ужас на Соединенное Королевство в Смутные Времена.

10

Фэтан – очень опасное чудовище. Строго говоря, это обитатель иного мира, посредством магии призванный в Мир и обученный некоторым вещам. Фэтаны не имеют телесной оболочки. Чем дольше фэтан живет, тем сильнее он становится, со временем обретает способность подчинять своей воле оказавшихся рядом людей и постепенно полностью разрушать их сознание. Питаются фэтаны человеческой жизнью, нападают, как правило, на спящих, но, войдя в силу, могут убивать и бодрствующих. Довольно много о фэтанах рассказывается в повести «Джуба Чебобарго и другие милые люди».

11

Подробно эта история описана в повести «Мастер ветров и закатов».

12

Великий Магистр Махлилгл Аннох в конце Смутных Времен был заключен в Холоми. Желая обрести бессмертие, он умер в тюрьме, а потом пытался воскреснуть, для чего забирал жизненную силу заключенных, оказывавшихся в той камере, в которой он умер. Этому безобразию был положен конец, однако в ходе борьбы я сам едва уцелел и (вероятно, это следует считать «осложнением») стал ядовитым, точнее, обзавелся ядовитой слюной, чему, положа руку на сердце, совсем не рад и стараюсь как можно реже использовать это полезное, но неприятное мне самому оружие. Подробно эта драматическая история рассказана в повести «Камера № 5-хox-ay».

13

В море, между материками Хонхона и Уандук, существует остров под названием Земля Скорбного Хлеви Макката. Вероятно давая название своему трактиру, его владелец имел в виду, что его еда и обстановка способны обрадовать даже скорбящего. До известной степени это действительно так.

14

Речь о давних событиях, описанных в повести «Сладкие грезы Гравви».

15

Заклинание Бахамгаму действует на жертву таким образом: человек переживает ощущения, которые, как ему кажется, должен испытывать умирающий. «Как кажется» – это ключевой момент. Поскольку люди, как правило, боятся смерти и

позволяют своему воображению рисовать чудовищные картины умирания, многие под воздействием заклинания Бахамгаму проходят через настоящий кошмар; наиболее впечатлительные сходят с ума.

16

То есть пятнадцати-шестнадцатилетней, если переводить в привычную читателям систему координат.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maks-fray/sunduk-mertveca>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)